МАРКА ФАБІЯ КВИНТИЛІАНА

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ

РИТОРИЧЕСКИХЪ НАСТАВЛЕНІЙ.

Переведены съ Латинскаго

Императорской Россійской Академіи Членомъ

Александромъ Никольскимъ

и оною Академіею изданы.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1834.

МАРКА ФАБІЯ КВИНТИЛІАНА

РИТОРИЧЕСКИХЪ НАСТАВЛЕНІЙ

КНИГА ПЯТАЯ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Доказательства суть необходимы для Оратора. Будетъ говорить сперва о доказательствахъ, которыя принадлежатъ ко всякимъ предложеніямъ; потомъ о тѣхъ, какія и какому роду предложеній свойственны.

Нѣкоторые изъ знаменитыхъ даже Риторовъ полагали единственною должностію Оратора научать, наставлять. Ибо и возбужденіе страстей отвергали по двумъ причинамъ: во первыхъ, что всякое возмущеніе души есть порокъ; во вторыхъ, что совращать судью съ пути правосудія, возбуждая въ немъ жалость или негодованіе и другое подобное чувствіе, есть дѣло противозаконное; и что стараться прельстить слушателей краснорѣчіемъ тогда, какъ предметъ рѣчи Оратора долженъ состоять только въ одолѣніи соперника, есть для него безполезно,

но и едва ли достойно честнаго человѣка. Другіе же (и таковыхъ бо́льшее число), безъ сомнѣнія, не желая отнять у Оратора сихъ двухъ принадлежностей, почитали главною и собственною его должностію, свои предложенія подтверждать, а предложенія противника опровергать.

Каковы бы ни были сіи мнѣнія, я теперь рѣшить ихъ не намѣренъ; скажу только, что книга сія къ изъясненію оныхъ весьма нужна; ибо въ ней только и говорится о утвержденіи и опроверженіи: и что̀ сказано мною выше о дѣлахъ судныхъ, сюда же относится. Ибо и приступъ и повѣствованіе имѣютъ одну цѣль, чтобы приготовить судью къ выслушанію доказательствъ: излишно было бы знать положеніе дѣла, и обстоятельства, выше изчисленныя, если бы не хотѣли утверждать своего предложенія. Словомъ, изъ пяти частей, изъ которыхъ, какъ я показалъ, состоитъ судная рѣчь, нѣтъ ни одной, безъ которой бы иногда не можно было обойтися: но нѣтъ тяжбы, гдѣ бы не нужны были доказательства. Мнѣ кажется, здѣсь правила будутъ въ лучшемъ порядкѣ, если покажемъ сперва тѣ, которыя вообще ко всѣмъ дѣламъ относиться могутъ; а потомъ разсмотримъ, какія каждому роду дѣлъ свойственны.

ГЛАВА I.

О РАЗДѢЛЕНІИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЪ.

Доказательства суть или неискуственныя, или искуственныя. Въ чемъ состоятъ неискуственныя.

Такое раздѣленіе первый сдѣлалъ Аристотель; оно почти всѣми вообще принято. По ихъ мнѣнію, есть два рода доказательствъ: однѣ беретъ Ораторъ внѣ предмета своей рѣчи, другія извлекаетъ изъ самаго дѣла, и какъ бы раждаетъ ихъ: и по тому первыя назвали они *неискуственными*, а послѣднія *искуственными*. Къ первому роду относятся примѣрныя сужденія (praejudicia), слухи (rumores), пытки (tormenta), письменныя доказательства (tabulae), присяга (jusjurandum), свидѣтели: въ чемъ состоитъ наибо́льшая часть судныхъ дѣлъ. Хотя сіи доказательства сами по себѣ чужды искуства, однако надлежитъ иногда или утверждать, или опровергать ихъ, со всею силою краснорѣчія. По чему, кажется мнѣ, весьма несправедливо нѣкото-

рые полагаютъ, будто бы здѣсь вовсе не нужны правила. Впрочемъ, я не намѣренъ излагать всего того, что можно приводить или въ утвержденіе, или въ опроверженіе сихъ доказательствъ; я не хочу моего сочиненія увеличить изложеніемъ общихъ мѣстъ; сіе было бы трудъ безконечный; но только покажу путь или способъ употреблять ихъ съ пользою, дабы каждый самъ собою старался не только слѣдовать моимъ правиламъ, но и изобрѣтать подобныя, смотря по качеству судныхъ дѣлъ. Ибо нельзя исчислить всѣхъ тяжебныхъ случаевъ, даже прошедшихъ, не говоря уже о тѣхъ, которыя могутъ впредь встрѣтиться.

ГЛАВА II.

О ДѢЛАХЪ ПРИМѢРНЫХЪ. (Praejudiciis).

Сужденія по дѣламъ примѣрнымъ суть трояхкаго рода: онѣ основываются или на дѣлахъ, которыя уже были разбираемы при подобныхъ случаяхъ: что̀ можно назвать справедливѣе примѣрами, какъ-то объ отцовскихъ духовныхъ завѣщаніяхъ, уничтоженныхъ, или утвержденныхъ противъ дѣтей; или на судопроизводствахъ, которыя принадлежатъ къ настоящему дѣлу; откуда и названіе свое (praejudicia, *предсужденія*) получили: каковы были, какъ сказываютъ, въ Сенатѣ противъ Оппіанина и противъ Милона, или *на прежнемъ приговорѣ* по тому же самому дѣлу; какъ - то бываетъ о преступникахъ, въ ссылку осужденныхъ, и при вторичномъ сужденіи, и при сужденіяхъ Центумвировъ, раздѣленныхъ на двѣ стороны.

Предсужденіямъ придаютъ наибо̀льшую силу два обстоятельства: довѣренность къ лицамъ, приговоръ произнесшимъ, и сходство дѣла съ тѣмъ, которое разбирается. Онѣ рѣдко опровергаются по упрямству судей противъ Оратора, развѣ

уже откроется явная несправедливость. Ибо каждый судья охотнѣе подтверждаетъ приговоръ другаго судьи: и побоится собой подать примѣръ, могущій иногда служить ему во вредъ. Итакъ въ обоихъ сихъ случаяхъ надлежитъ прибѣгать къ различенію того и другаго дѣла; ибо едва ли есть хотя одно во всемъ сходное съ другимъ. А ежели сдѣлать того не льзя, и дѣло будетъ во всѣхъ обстоятельствахъ одинаково: тогда надобно или обвинять нерадѣніе Оратора, защищавшаго прежнее дѣло, или жаловаться на слабость лицъ, противъ коихъ приговоръ произнесенъ, или на подкупъ свидѣтелей противной стороны, или на вражду и заблужденіе ихъ: или выводить какое нибудь обстоятельство, которое послѣ перемѣнило положеніе дѣла. Когда же и сего пособія не будетъ, тогда можно сказать, что во всякое время бывали суды и приговоры неправедные: доказываютъ сіе и обвиненный (*) Рутилій, и оправданный (**) Клодій

(*) Рутилій управлялъ Азіею со всякимъ безкорыстіемъ; но наказывая подчиненныхъ за грабежи и насиліе, сдѣлался ненавистенъ всадникамъ, предъ коими судъ надъ нимъ производился; онъ былъ осужденъ на изгнаніе.

(**) Клодій, по возвращеніи Цицерона изъ ссылки, дѣлалъ противъ него многія злодѣйскія покушенія. Милонъ, Трибунъ народный и другъ Цицерона, доносилъ на перваго, и защищалъ послѣдняго. Но Клодій, по собственнымъ и друзей своихъ проискамъ, продлилъ судъ надъ собою до

съ Катилиною (*). Позволительно также просить судей разсмотрѣть дѣло со вниманіемъ, и помнить свою клятву, не полагаясь на чужія увѣренія. Противъ опредѣленій же Сената и противъ указовъ Государя или высшихъ судилищъ, нѣтъ инаго пособія, какъ развѣ представить Ораторъ какую либо разность въ дѣлѣ, или какое ниесть, послѣ того уже сдѣланное тою же или равною ей властію постановленіе, которое прежнему было бы противно: безъ чего дѣло уже потеряно.

того, пока не сдѣлался *Эдилемъ*; и сіе званіе избавило его отъ преслѣдованій Милона.

(*) Катилина былъ Преторомъ въ Африкѣ. Послѣ былъ обвиненъ во взяткахъ и хищеніи: но происками друзей своихъ оправданъ.

ГЛАВА III.

О СЛУХАХЪ И МОЛВѢ.

Слухи и молву почитаютъ иные за согласіе цѣлаго общества и какъ бы за всенародное свидѣтельство: другіе называютъ рѣчью, неизвѣстно кѣмъ распущенною, которая родилась отъ злорѣчія, а возрасла отъ легковѣрія. Даже самый невинный человѣкъ можетъ подпасть пересудамъ отъ хитрости завистниковъ, всякую ложь о поведеніи его разглашающихъ. Того и другаго есть много примѣровъ.

ГЛАВА IV.

О ПЫТКАХЪ.

Равно и пытки, которыя могутъ подать Оратору обильную матерію, одна сторона можетъ называть необходимымъ средствомъ для извлеченія признанія у виновнаго, другая причиною часто ложнаго показанія; поелику однимъ терпѣніе дѣлаетъ ложь удобною, а другимъ слабость нужною. Но что о семъ разпространяться? Рѣчи древнихъ и новѣйшихъ Ораторовъ наполнены общими о томъ сужденіями. Однако есть обстоятельства, которыя не безполезно принаровлять къ каждому дѣлу по его качеству. Ибо когда надобно произвести пытку, то весьма нужно знать, кто и кого требуетъ или представляетъ на пытку, противъ кого и по какой причинѣ: если уже произведена она, кто при томъ былъ, кто и какъ истязуемъ былъ: вѣроятны ли его показанія; не противорѣчатъ ли одно другому: то же ли самое утверждалъ, что говорилъ прежде, или мученіе заставило сдѣлать въ рѣчахъ нѣкоторую отмѣну, и въ самомъ ли началѣ пытки, или въ продолженіи оной. Здѣсь на обѣ стороны можно столько же много сказать, сколь велико различіе обстоятельствъ.

ГЛАВА V.

О ПИСЬМЕННЫХЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХЪ. (Tabulae) (*).

Противъ письменныхъ доказательствъ много было говорено, и много еще говорить можно: мы знаемъ, что ихъ не только оспоривали, но и вовсе, какъ ложныя, отвергали. Однако, ежели въ нихъ окажется или злонамѣреніе рукоприкладчиковъ, или невѣденіе, то безопаснѣе и удобнѣе предполагать послѣднее, дабы меньше людей замѣшать въ дѣло. Но и сіе самое должно происходить изъ существа спорнаго дѣла; надобно смотрѣть, имовѣрно ли то, что̀ содержится въ письменныхъ доказательствахъ, или, какъ чаще бываетъ, не льзя ли опровергнуть того другими такими же доводами; или отвѣтчикъ, или кто ниесть изъ рукоприкладчиковъ, не находится ли въ отсутствіи, или не умеръ ли прежде: сходны ли мѣсяцы и числа: или предъидущія и послѣдующія обстоятельства не противорѣчатъ ли тѣмъ доказательствамъ. Часто однимъ взглядомъ на подпись открывается обманъ.

(*) Подъ словомъ *tabulae* разумѣются контракты, записи, обязательства, духовныя завѣщанія, и проч. которыя совершались при многихъ свидѣтеляхъ, и ими подписывались.

ГЛАВА VI.

О КЛЯТВѢ.

Тяжущіеся или предлагаютъ отъ себя клятву, или отвергаютъ предложенную отъ противника; или требуютъ ея отъ противника, или отрицаются отъ нея, когда отъ нихъ самихъ ея требуютъ.

Предлагать клятву отъ себя, не требуя оной отъ противной стороны, почитается за дѣло почти безчестное. Кто же на сіе отважится, тотъ долженъ оградить себя или добрымъ своимъ именемъ, или примѣрнымъ благочестіемъ, которыя удаляли бы отъ него всякое подозрѣніе въ ложной клятвѣ: но онъ заслужитъ вѣроятіе, когда не покажетъ ни излишняго желанія, ни уклоненія отъ оной: или когда предметъ тяжбы таковъ, что не льзя повѣрить, чтобы для маловажнаго прибытка захотѣлъ подвергнуть себя проклятію: или, когда, имѣя многіе другіе способы выиграть искъ свой, прибавляетъ и сіе средство, во свидѣтельство чистой своей совѣсти.

Кто не принимаетъ отъ другаго клятвы, тотъ можетъ сказать, что то дѣло нечестивое, и что многіе не во что ставятъ страхъ

клятвонарушенія; поелику были и Философы, кои верховный Промыслъ о дѣлахъ человѣческихъ отвергали; и прибавимъ, что безъ нужды и съ такою готовностію предлагать клятву, есть быть судьею въ собственномъ своемъ дѣлѣ, и показывать, что предлагаемое имъ доказательство почитаетъ онъ легкимъ и удобнымъ.

А тотъ, кто соглашается на клятву своего противника, оказываетъ свое великодушіе, отдавая на его произволъ рѣшеніе взаимной между собою распри; а притомъ облегчаетъ и судью, который лучше желаетъ основаться на чужой клятвѣ, нежели на собственномъ сужденіи, и такимъ образомъ избѣжать ошибки.

Тогда тѣмъ труднѣе будетъ противнику отказаться отъ клятвы, по крайней мѣрѣ, когда не окажется вѣроятнымъ, что дѣло ему самому неизвѣстно. Если сей отговорки сдѣлать онъ не можетъ, то ему остается одно пособіе сказать, что противная сторона старается навлечь отъ судей къ нему неблаговоленіе, и что, не въ состояніи будучи выиграть тяжбу, ищетъ только причины къ жалобамъ. Итакъ онъ показалъ бы себя человѣкомъ безчестнымъ, если бы принялъ сіе условіе; но онъ пожелаетъ лучше доказать то, что̀ говорить будетъ, нежели подать кому-либо на себя подозрѣніе въ ложной клятвѣ. . . .

ГЛАВА VII.

О СВИДѢТЕЛЯХЪ.

Всего болѣе затруднять могутъ Оратора показанія свидѣтелей. Онѣ бываютъ или письменныя, *или изустныя*.

Отражать письменныя показанія легче. Ибо человѣкъ можетъ скорѣе отступить отъ истины при маломъ числѣ (*) утверждающихъ его показанія, а притомъ и самое отсутствіе его не трудно выставить за недовѣрчивость къ самому себѣ. Ежели не льзя опорочить лице свидѣтеля, тогда можно очернить тѣхъ, кои свидѣтельство его утвердили своею подписью. Сверхъ того, противъ всѣхъ ихъ можетъ служить опроверженіемъ и то, что никто не подаетъ письменныхъ показаній, какъ развѣ по собственной своей волѣ: чѣмъ самымъ таковый признáется, что онъ не благопріятствуетъ тому, противъ кого свидѣтельствуетъ. Однако противникъ можетъ возразить на сіе, что и

(*) Письменныя показанія составлялись въ присутствіи свидѣтелей, которые утверждали ихъ своею подписью.

пріятель за пріятеля, и непріятель противъ непріятеля, если совѣстенъ и чистосердеченъ, можетъ сдѣлать справедливое показаніе. Но такія общія мѣста открываютъ пространное поле говорить въ пользу той и другой стороны.

Имѣть же дѣло съ присутствующими свидѣтелями гораздо затруднительнѣе: и для того за нихъ и противъ нихъ употребляется двоякое, такъ сказать, оружіе: непрерываемая рѣчь и вопросы. Въ рѣчи обыкновенно говорится сперва вообще за свидѣтелей и противъ свидѣтелей; и сіе составитъ общее мѣсто; когда одна сторона утверждаетъ, что лучшее доказательство есть то, которое основывается на истинномъ показаніи свидѣтелей; другая, для опроверженія сего, изчисляетъ всѣ случаи, по которымъ свидѣтельства бываютъ ложны. Потомъ можно обращать рѣчь на нѣкоторые случаи частно, однако всегда на бо́льшее число оныхъ. Ибо мы знаемъ, что и цѣлыхъ народовъ свидѣтельства и всѣ роды показаній, основанныхъ только на однихъ слухахъ, отвергались Ораторами. И дѣйствительно почитать ихъ должно не за свидѣтелей, а за пересказчиковъ чужихъ рѣчей: они не обязаны клятвою; равно какъ, и при доносахъ во взяткахъ и хищеніи, тѣхъ, кои клянутся, что они давали деньги обвиняемому, должно почитать за истцевъ, а не за свидѣтелей. Ино-

гда же на каждаго особенно свидѣтеля рѣчь обращается. Таковаго преслѣдованія и вмѣстѣ защищенія примѣры находимъ во многихъ рѣчахъ, и отдѣльно въ одной, которую говорилъ Цицеронъ противъ Ватинія свидѣтеля.

Итакъ разберемъ статью сію въ подробности, когда уже предположили начертать для Оратора полное наставленіе. А иначе довольно было бы прочитать двѣ книги, писанныя о семъ Домиціемъ Афромъ, котораго я, бывъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, почиталъ, какъ достойнаго уваженія старца: я не только читалъ его сочиненія, но многое и изъ изустныхъ его объясненій заимствовалъ. Онъ весьма основательно полагаетъ здѣсь первою должностію Оратора знать подробно всѣ обстоятельства защищаемаго имъ дѣла: что̀, безъ сомнѣнія, потребно и во всѣхъ случаяхъ. Какимъ же образомъ достигнуть того, изъяснимъ въ назначенномъ (кн. 12. гл. 9.) для сего предмета мѣстѣ. Полное и зрѣлое обозрѣніе всего дѣла подастъ матерію къ вопросамъ, и какъ бы оружіе вложитъ въ руки противъ свидѣтеля, и покажетъ, въ какое расположеніе духа надлежитъ поставить судью нашею рѣчью. Ибо Ораторъ долженъ или внушить довѣріе къ свидѣтелямъ, или отклонить оное: поелику всякъ принимаетъ показаніе другаго, смотря по тому,

какъ будетъ напередъ расположенъ, т. е. вѣритъ или невѣритъ.

А какъ бываетъ два рода свидѣтелей, т. е. или добровольно предстающіе, или призываемые въ судъ по законамъ: то на первыхъ обѣ стороны ссылаться могутъ, а на послѣднихъ только доносители. Отдѣлимъ должность представляющаго свидѣтелей отъ должности опровергающаго свидѣтелей.

Кто представляетъ свидѣтеля добровольнаго, тотъ можетъ знать, что онъ говорить будетъ, и слѣдовательно дѣлать ему вопросы не встрѣтится дальняго затрудненія. Но и въ семъ случаѣ потребны осторожность и благоразуміе, и надобно напередъ увѣриться въ постоянствѣ, безстрашіи и осмотрительности свидѣтеля; защитникъ противной стороны не опуститъ стараться сбивать его въ рѣчахъ; тогда, какъ разобьется онъ въ показаніяхъ, повредитъ болѣе, нежели свидѣтель смѣлый и твердый принесетъ пользы. Итакъ надлежитъ предварительно его испытывать всякими вопросами, какіе только можетъ предложить ему нашъ противникъ. Такимъ образомъ сдѣлаемъ его твердымъ въ показаніяхъ, или, хотя нѣсколько смѣшается, нетрудно будетъ опять направить его на прежнюю стезю.

*

Но и въ разсужденіи такихъ свидѣтелей, кои твердо стоятъ въ одномъ и томъ же показаніи, должно остерегаться хитрости и обмана: часто бываютъ свидѣтели подложные, и все въ пользу нашу обѣщающіе, но отвѣчающіе противное; и становятся тогда не какъ обличители, но какъ повинные. Итакъ надобно смотрѣть, какія причины имѣютъ они вредить сторонѣ противной: еще не довольно того, что были ей враги; но не перестали ли враждовать и не хотятъ ли примириться съ нею; не подкуплены ли, не по разкаянію ли перемѣнили свое намѣреніе. Если нужно брать предосторожность и противъ тѣхъ, кои обѣщаютъ говорить самую истину, то кольми паче опасно довѣрять тѣмъ, кои на ложь поступить соглашаются. Ибо въ послѣднемъ случаѣ скорѣе разкаяться могутъ, и обѣщанія ихъ подозрительнѣе: а ежели и захотятъ сдержать свое слово, то легче будетъ противнику разбить ихъ въ показаніяхъ.

Изъ тѣхъ же, кои по призыву являются въ судъ для свидѣтельства, одни хотятъ вредить обвиняемому, другіе не хотятъ. И обвинитель иногда знаетъ ихъ расположеніе, а иногда не знаетъ.

Положимъ, что онъ его знаетъ. Въ томъ и другомъ случаѣ потребно великое искуство. Ежели вопрошаешь свидѣтеля, желающаго повредить

обвиняемому, тогда остерегаться надобно, что бы такое желаніе его не слишкомъ обнаруживалось: не вдругъ вопрошать его о предлежащемъ дѣлѣ, а доходить до того нѣкоторою околицею, дабы казалось, что изъ него вынуждено то, чѣмъ наиболѣе хотѣлъ онъ уязвить подсудимаго: не дѣлать очень настоятельно и много вопросовъ, дабы свидѣтель, на все отвѣтствуя, не уменьшилъ къ себѣ довѣрія; вопрошать его только о томъ, о чемъ намъ вѣдать отъ него одного нужно.

Когда же надобно принудить свидѣтеля сказать истину, тогда главная удача вопрошающаго будетъ, если изторгнетъ у него то, о чемъ объявить онъ не хотѣлъ. Сего достигнуть не иначе можно, какъ многократнымъ повтореніемъ вопросовъ. Онъ будетъ давать отвѣты, кои, по мнѣнію его, сторонѣ его вредить не могутъ; и такимъ образомъ доведемъ его, что ему не льзя будетъ отказаться отъ того, въ чемъ признаться не хотѣлъ. Ибо какъ въ рѣчи нашей собираемъ многіе доводы, кои порознь, по видимому, неопасны для обвиняемаго, а совокупностію ихъ убѣждаемъ: такъ и вопрошая свидѣтеля многое о предшествовавшихъ, многое о послѣдующихъ обстоятельствахъ, о мѣстѣ, времени, лицѣ, и проч. доводимъ его до такого отвѣта, послѣ котораго принужденъ будетъ или признаться въ

шомъ, чего мы хошимъ, или прошиворѣчишь самому себѣ въ прежде сказанномъ. Если же сего сдѣлашь не можно, шо ясно окажешся, что онъ правды говоришь не хочешъ: шогда, обрашя рѣчь даже и на иные предметы, къ дѣлу не совсѣмъ принадлежащіе, въ чемъ либо другомъ уловишь его надлежишъ сшарашься. Надобно дѣлашь ему, сколько можно, болѣе вопросовъ, дабы онъ, говоря все или больше, нежели надобно, въ защишу обвиняемаго, сдѣлался судьѣ подозришельнымъ: симъ онъ сшолько же повредишъ подсудимому, какъ и показавъ прошивъ него сущую правду.

Если же предположимъ, какъ я сказалъ выше, что Орашоръ не знаешъ прямаго расположенія свидѣшеля, шо долженъ, мало по малу и, шакъ сказашь, слово за словомъ, вопрошая, проникнушь въ его намѣреніе, и посшепенно весшь къ шакому ошвѣшу, какой ему надобенъ. Но какъ не рѣдко бываюшъ у свидѣшелей и шакія хишросши, что сперва на все ошвѣчаюшъ по вашему желанію, дабы съ бо́льшею вѣрояшносшію показашь послѣ совсѣмъ шому прошивное: шо долгъ Орашора сдѣлашь свидѣшеля подозришельнымъ, когда сіе полезно для защищаемой сшороны.

Дѣлашь вопросы иногда удобнѣе, а иногда зашруднишельнѣе для защишишеля. Зашруднишельнѣе пошому, что онъ рѣдко можешъ прежде суда знашь, что̀ сказашь имѣешъ свидѣшель;

удобнѣе же, что онъ уже будетъ обо всемъ вѣдать, когда надобно его спрашивать. Итакъ въ первомъ случаѣ нужно рачительно предусматривать, кто противъ подсудимаго вооружается, какую и по какимъ причинамъ имѣетъ на него вражду: все то предварительно въ рѣчи своей объяснить, когда хотимъ свидѣтелей сдѣлать подозрительными въ злобѣ или зависти, въ потворствѣ или въ подкупѣ. И если съ противной стороны не будетъ достаточнаго числа свидѣтелей, то жаловаться на недостатокъ ихъ: если слишкомъ много, то на заговоръ: если они будутъ люди малозначущіе, то на подлость: если знатные, то на преднамѣренное насиліе жаловаться должно. Однако лучше излагать причины, по которымъ они хотятъ нанести вредъ подсудимому: причины могутъ быть различны, смотря и по существу тяжбы, и по состоянію тяжущагося. Ибо противъ вышесказаннаго можно отвѣчать равно общими мѣстами: при немногомъ числѣ и малозначительности свидѣтелей, доносчикъ можетъ хвалиться простотою; что онъ, кромѣ ихъ, не нашелъ ни кого, кому бы еще извѣстно было дѣло; многихъ же и притомъ значущихъ свидѣтелей представлять иногда удобнѣе.

Но иногда и хвалить и порицать можно каждаго изъ свидѣтелей, при чтеніи показаній

ихъ, или при ихъ наименованіи. Сіе было и удобнѣе и въ большемъ обыкновеніи въ прежнія времена, когда свидѣтелей спрашивали уже по окончаніи рѣчей съ обѣихъ сторонъ. Что же должно говорить противъ каждаго изъ нихъ, надлежитъ заимствовать только отъ ихъ личныхъ качествъ.

Вотъ еще что̀ наблюдается при вопросахъ: прежде всего надобно знать свойства свидѣтеля. Робкаго застращать, глупаго обмануть, гнѣвливаго раздражить, надмѣннаго возгордить, тщеславнаго обольстить хвалою можно: благоразумнаго и твердаго тотчасъ оставить, какъ упорнаго врага сторонѣ нашей: или опровергать его не вопросами, а краткимъ разговоромъ; или возражать ему какимъ нибудь острымъ словомъ: или, когда есть что либо порочнаго въ его поведеніи, покрыть его стыдомъ. Свидѣтелей же честныхъ и добросовѣстныхъ оскорблять не должно: ибо тѣ, кои нападками огорчаются, часто уступаютъ ласковости.

Сущность вопросовъ заимствуется или изъ самаго дѣла, или внѣ онаго.

Если вопросы заимствуются изъ самаго дѣла, то защитникъ, равно какъ и обвинитель, по мнѣнію нашему, долженъ вести ихъ издалека, а для избѣжанія всякаго подозрѣнія, повторять ихъ и сличать первые отвѣты съ послѣдующими:

такимъ образомъ часто удается отъ свидѣтеля противъ воли его вынудить для насъ нужное. Научиться сему въ школахъ не можно; тамъ нѣтъ подобныхъ упражненій: такой навыкъ пріобрѣтается болѣе природною остротою и опытомъ. Ежели однакожъ нуженъ примѣръ для подражанія, то найдемъ его въ разговорахъ у Сократа и его послѣдователей, особенно же у Платона. Въ сихъ разговорахъ такъ искусно расположены вопросы, что на иные изъ нихъ хотя исправно отвѣтствуется, но вопрошающій всегда достигаетъ своей цѣли. Впрочемъ не рѣдко случается, что свидѣтель въ своихъ показаніяхъ самъ себѣ противорѣчитъ, а еще чаще съ другими свидѣтелями разбивается. Но остроумными вопросами достигаемъ того, чѣмъ одолжены бываемъ иногда одному случаю.

Можно предлагать вопросы, внѣ дѣла, въ свою пользу. Вопрошается, напримѣръ, о поведеніи и нравахъ каждаго изъ свидѣтелей; не порочнаго ли они поведенія; не слишкомъ ли низкаго состоянія; не друзья ли доносщику, и не враги ли подсудимому: въ отвѣтахъ ихъ искать надобно того, что̀ намъ полезно, или что̀ можетъ обнаружить ложь или злобу ихъ. Но вопрошать должно съ великою осмотрительностію; ибо Ораторъ можетъ иногда встрѣтить отъ свидѣтеля отвѣтъ остроумный и забавный;

а сіе слушателямъ обыкновенно нравится: при семъ надлежитъ употреблять слова и выраженія простыя, вразумительныя, дабы вопрошаемый, который бóльшею частію не имѣетъ дальнихъ свѣдѣній, ясно понималъ, или бы не могъ сказать, что не понимаетъ: въ противномъ случаѣ, вопрошающій не мало теряетъ.

Что же касается до тѣхъ безчестныхъ уловокъ, чтобъ подкупленнаго свидѣтеля подсылать на скамьи (*) противной стороны, дабы, вставъ оттуда, нанесъ ей болѣе вреда, или сдѣлалъ извѣтъ противъ подсудимаго, съ коимъ сидѣлъ вмѣстѣ; или, сказавъ въ ея пользу, нарочно показалъ бы нескромность и неумѣренность, и тѣмъ не только собственныя свои, но и другихъ въ нашу пользу показанія, сдѣлалъ бы неимовѣрными; то я упомянулъ объ уловкахъ сихъ не для того, чтобы ихъ употреблять, а чтобы всемѣрно убѣгать.

Часто бываютъ несогласны свидѣтельства письменныя и свидѣтельства, лично произнесенныя: здѣсь можно разсуждать и съ той и другой стороны: показанія свидѣтелей утверждаются присягою, а письменныя свидѣтельства

(*) *Судьи* садились въ своихъ креслахъ, *защитники* на скамьяхъ: *подсудимые* съ своими *защитниками* помѣщались на правой, а *доносчики* на лѣвой сторонѣ.

согласіемъ подписавшихъ оныя. Часто возникнуть можетъ такое же прѣніе относительно свидѣтелей и письменныхъ доказательствъ: въ свидѣтеляхъ выставляется очевидность ихъ показаній и святость присяги, а въ доказательствахъ только остроуміе; съ другой стороны отвѣтствовать можно, что свидѣтель подверженъ пристрастію: иногда увлекается поблажкою, страхомъ, корыстолюбіемъ, гнѣвомъ, ненавистію, дружбою, честолюбіемъ; а доказательства извлекаются изъ самаго существа дѣла; вѣря имъ, судья себѣ вѣритъ, а вѣря свидѣтелямъ, другимъ вѣритъ. Такія сужденія можно приложить ко многимъ суднымъ дѣламъ: къ нимъ часто прибѣгали Ораторы, и всегда прибѣгать будутъ. Иногда съ обѣихъ сторонъ представляются свидѣтели, и тогда разсматривается: 1-е, которые изъ нихъ честнѣе; 2-е, съ которой стороны показанія вѣроятнѣе; и 3-е, кто изъ тяжущихся имѣетъ болѣе силы и довѣренности.

Къ симъ если кто захочетъ прибавить свидѣтельства, священными называемыя, т. е. отвѣты оракульскіе, предзнаменованія, и проч. тотъ долженъ знать, что сіе излагается двоякимъ образомъ: или общимъ, какъ-то между Стоиками и Епикурейцами происходитъ вѣчный споръ о томъ, управляется ли міръ Промысломъ Божескимъ; или частнымъ образомъ, т. е. возра-

жаемъ противъ одной, только къ нашему дѣлу относящейся, статьи сихъ священныхъ свидѣтельствъ. Ибо достовѣрность оракульскихъ отвѣтовъ доказывается и опровергается иначе, нежели достовѣрность Аруспиковъ, Авгуровъ, толкователей сновъ и Астрологовъ, поелику они по существу своему различествуютъ между собою.

Ораторъ и въ доказательствахъ и въ опроверженіяхъ можетъ также прибѣгнуть къ разсмотрѣнію чего либо сказаннаго въ пьянствѣ, во снѣ, въ сумасшествіи, или показаній, сдѣланныхъ отъ дѣтей малолѣтныхъ, о которыхъ съ одной стороны можно сказать, что они не способны выдумывать, а съ другой, что не въ состояніи здраво судить.

Впрочемъ сей родъ доказательствъ, выводимыхъ отъ лица свидѣтелей, не только можетъ употребляемъ быть съ пользою, но и необходимо нуженъ. Ты далъ деньги: кто ихъ считалъ? гдѣ? откуда ты взялъ ихъ? Ты обличаешь меня въ отравленіи ядомъ: гдѣ я купилъ его? у кого? за сколько? чрезъ кого я далъ принять его? кто мой сообщникъ? Цицеронъ въ рѣчи за Клуенція, въ отравленіи ядомъ обвиняемаго, почти всѣ сіи обстоятельства разбираетъ. Вотъ что̀ могъ я изложить самымъ кратчайшимъ образомъ о доказательствахъ неискуственныхъ.

ГЛАВА VIII.

О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХЪ ИСКУСТВЕННЫХЪ.

Онѣ суть трехъ видовъ: признаки, доводы, примѣры. Нѣкоторые охуждаются за то, что, оставивъ доказательства, коими, какъ бы жилами, рѣчь скрѣпляется, къ общимъ мѣстамъ прибѣгаютъ. — Дѣлаетъ общее раздѣленіе всѣмъ доказательствамъ.

Другую часть доказательствъ, которая совершенно основывается на искуствѣ, и состоитъ въ увѣреніи и убѣжденіи слушателей, по бо́льшей части или совсѣмъ пренебрегаютъ, или слегка касаются ея тѣ, кои, находя доводы слишкомъ для себя затруднительными и скучными, избѣгаютъ ихъ, и остаются при мѣстахъ пріятнѣйшихъ: ихъ можно сравнить съ сопутниками Улисса, которые, по сказанію Стихотворцевъ (Odiss. 1. 9.), прельстясь сладостію нѣ-

коего плода у Лотофаговъ (*) и пѣніемъ Сиренъ, предпочли удовольствія собственному своему спасенію. Такіе Ораторы, гоняясь за тѣнію славы, не достигаютъ той побѣды, которая должна быть цѣлію ихъ сло́ва.

Подобныя общія мѣста, которыя въ рѣчь входятъ, служатъ только пособіемъ и украшеніемъ доводовъ, и какъ бы тѣломъ покрываютъ сіи жилы, коими судное дѣло связывается. Напримѣръ, когда утверждаемъ то, что̀ произошло отъ гнѣва, или страха, или корысти, тогда можемъ нѣсколько распространиться, говоря о свойствѣ каждой изъ сихъ страстей: равно какъ и тогда, когда хвалимъ, порицаемъ, увеличиваемъ, уменьшаемъ, описываемъ, устрашаемъ, жалѣемъ, утѣшаемъ, увѣщеваемъ. Но къ симъ пособіямъ прибѣгать можно только въ такомъ случаѣ, когда говоримъ о вещахъ уже извѣстныхъ, или какъ объ извѣстныхъ. Я не спорю, чтобы не надобно было стараться угождать слушателямъ; но надлежитъ болѣе возбуждать страсти. Однако въ томъ и другомъ скорѣе успѣемъ, когда совершенно убѣдимъ судью въ истинѣ: а сего достигнуть безъ доводовъ и другихъ увѣрительныхъ пособій не можно.

(*) *Лотофаги*, народъ Африканскій, названный такъ отъ того, что питался *лотосомъ*, плодомъ весьма пріятнымъ для вкуса. *Полиб.*

Прежде, нежели искуственныя доказательства раздѣлю на виды, почитаю за нужное предварить, что онѣ всѣ имѣютъ нѣчто общее между собою. Ибо нѣтъ вопроса (quaestio), который не относился бы или къ вещи, или къ лицу. Основаніе доказательствъ находится также въ обстоятельствахъ, къ вещамъ или лицамъ относящихся. Доводы обыкновенно разсматриваются или въ нихъ самихъ, или въ отношеніи къ чему нибудь другому. Нѣтъ доказательства, которое не выводилось бы или изъ предъидущихъ, или послѣдующихъ, или противныхъ обстоятельствъ: и все сіе берется, по необходимости, или отъ прошедшаго, или отъ настоящаго, или отъ будущаго. Никакое дѣйствіе не можетъ быть доказано иначе, какъ посредствомъ другаго дѣйствія, которое должно быть или больше, или равно, или меньше.

Доказательства же раждаются или изъ вопросовъ, взятыхъ вообще не зависимо отъ вещей и лицъ; или изъ самаго дѣла, когда оно доставляетъ намъ какую нибудь частную причину, принадлежащую однако къ тому же предмету, о коемъ предлежитъ разбирательство.

Сверхъ того, изъ всѣхъ доказательствъ иныя суть очевидны, иныя вѣроятны, иныя не совсѣмъ противны. При томъ всѣ онѣ выводятся четвероякимъ образомъ; какъ-то: или, изъ

того, что одно существуетъ, заключаемъ, что другое не существуетъ; напримѣръ, *теперь день, слѣдовательно не ночь:* или, изъ того, что одно существуетъ, заключаемъ, что существуетъ и другое: *солнце свѣтитъ, слѣдовательно теперь день:* или, изъ того, чего нѣтъ, заключаемъ, что другое есть: *теперь не ночь, слѣдовательно день:* или, изъ того, чего нѣтъ, заключаемъ, что нѣтъ и другаго чего нибудь: *если не животное разумное, то и не человѣкъ.* Сказавъ о семъ вообще, приступаю къ подробнѣйшимъ изъясненіямъ.

ГЛАВА IX.

О ПРИЗНАКАХЪ. (Signa).

Итакъ всякое искуственное убѣжденіе состоитъ или изъ признаковъ (*), или изъ доводовъ, или изъ примѣровъ. Я знаю, что многіе почитаютъ признаки за часть, составляющую доводы: но отдѣляю ихъ потому, во первыхъ, что они суть почти изъ числа доказательствъ, отъ искуства не зависящихъ. Ибо окровавленная одежда, и вопль, и синева на тѣлѣ, суть такія же пособія, какъ и письменныя доказательства, слухи, свидѣтели: они не изобрѣтаются Ораторомъ, а приходятъ къ нему съ поручаемымъ дѣломъ. Во вторыхъ, что признаки бываютъ или несомнѣнные, и тогда уже не будутъ доводами; ибо гдѣ они ясны, тамъ нѣтъ и спору; а доводъ имѣетъ мѣсто въ дѣлѣ только спорномъ: или сомнительные, и не могутъ назваться доводами, поелику сами требуютъ оныхъ.

(*) *Признакомъ* называется то, что подлежитъ которому ни есть изъ нашихъ чувствъ, и собою что нибудь доказываетъ.

Они раздѣляются на сіи два первые вида: одни суть, какъ я сказалъ, нужные или несомнѣнные: другіе ненужные или сомнительные.

Первые изъ нихъ едва ли, по мнѣнію моему, требуютъ правилъ: поелику они инаковы быть не могутъ. Ибо гдѣ есть вѣрный, видимый, неложный признакъ, тамъ нѣтъ и спора. Сіе случается, когда чему нибудь необходимо быть и сдѣлаться должно, или напротивъ быть и сдѣлаться совсѣмъ невозможно: при таковомъ признакѣ нѣтъ мѣста спору.

Другіе признаки суть только вѣроятные, не необходимые: ихъ однихъ къ разрѣшенію сомнѣнія хотя недостаточно; но если присовокупятся къ прочимъ признакамъ, доказательствамъ, то имѣютъ великую силу.

Нѣкоторые именуютъ признаки примѣтами, нѣкоторые слѣдами, чрезъ кои другая вещь означается, какъ, на примѣръ, чрезъ кровь открывается смертоубійство. А какъ кровь можетъ попасть на одежду и при закланіи жертвы, и отъ теченія ея изъ носу, то окровавленная одежда не всегда показываетъ смертоубійство. Но сіе, будучи само по себѣ недостаточно, если присоединится къ прочимъ признакамъ, служитъ вмѣсто доказательства, когда, на примѣръ, доказано, что обвиняемый былъ врагъ убитому, что грозилъ ему прежде, что находился

на томъ же мѣстѣ. Тогда признакъ сей сдѣлаетъ, что то, о чемъ сомнѣвались, покажется уже несомнительнымъ, вѣрнымъ. Впрочемъ, есть признаки, коими обѣ тяжущіяся стороны воспользоваться могутъ, какъ-то синія пятна на тѣлѣ, опухоль. Ибо могутъ казаться слѣдствіемъ и яда, и неваренія въ желудкѣ. Равно сказать можно, что рана нанесена своею собственною и чужею рукою. И потому все сіе не твердо безъ другихъ доказательствъ. . . .

ГЛАВА X.

О ДОВОДАХЪ. (Argumenta).

I. Что есть доводъ. II. Доводы берутся или отъ лицъ, или отъ вещей. 1) О принадлежащихъ къ лицамъ. 2) Къ вещамъ принадлежатъ причины, мѣсто, время, способности или орудія, способъ. III. Каждаго вида доводовъ употребить не можно. — Надобно прежде знать, что утверждать должно.—Примѣръ таковаго дѣла. IV. Что думать должно о сихъ источникахъ доводовъ, и когда къ нимъ прибѣгать.

I. Теперь слѣдуютъ доводы: подъ симъ именемъ я разумѣю все то, что̀ Греки называютъ ἐνθυμήματα, ἐπιχειρήματα, ἀποδείξεις, хотя у нихъ въ наименованіяхъ сихъ есть нѣкоторая разность, но онѣ всѣ почти одно и тоже означаютъ. Какъ доводъ есть способъ доказывать одно чрезъ другое, и сомнительное утверждать чрезъ несомнительное: то и нужно, чтобы въ каждомъ дѣлѣ

были такія обстоятельства, которыя не требовали бы подтвержденія. Ибо не чѣмъ было бы доказывать или подтверждать, если бы Ораторъ не имѣлъ сказать ничего вѣрнаго, или таковымъ кажущагося, дабы сомнительное сдѣлать вѣроятнымъ.

За извѣстное же и вѣрное принимаемъ во первыхъ то, что̀ подлежитъ чувствамъ, т. е. что̀ видимъ, что̀ слышимъ: каковы суть признаки. Потомъ что̀ общимъ мнѣніемъ принято: напримѣръ, что *есть боги;* что *должно чтить родителей.* Кромѣ того, что̀ предписано законами, что̀ принято въ обыкновеніе хотя не всѣми людьми, по крайней мѣрѣ жителями той страны или государства, гдѣ происходитъ дѣйствіе: какъ-то многое въ гражданскомъ правѣ не на законахъ, а на обычаяхъ основывается. Наконецъ все то, на что̀ обѣ тяжущіяся стороны согласны, что̀ доказано; словомъ, чему не противорѣчитъ соперникъ. Вотъ примѣръ довода: если міръ управляется Промысломъ, то и Республика управляется онымъ; такимъ образомъ изъ того, что міръ промысломъ управляется, выводится слѣдствіе, что и Республика управляется онымъ.

Для правильнаго довода, Оратору потребно вникать въ свойство и силу всѣхъ вещей, и знать, какое дѣйствіе чаще производитъ каждая изъ нихъ. Отсюда раждаются три рода вѣроят-

ностей. Первый самый благовидный и почти не опровергаемый есть, на примѣръ: *Отецъ любитъ своихъ дѣтей.* Другой не столько надежный: *Кто здоровъ нынѣ, тотъ доживетъ и до завтра.* Третій еще слабѣйшій, и только лишь не невѣроятенъ: *Въ домѣ сдѣлалась покража отъ кого нибудь изъ домашнихъ.* Для сего-то Аристотель, во второй книгѣ своей Риторики, съ великою подробностію излагаетъ, что̀ какой вещи и что̀ какому человѣку можетъ быть свойственно; какія вещи и какихъ людей съ какими вещами или людьми сближаетъ или противополагаетъ ихъ между собою природа: кто болѣе склоненъ къ любостяжанію, любочестію, суевѣрію: что̀ наиболѣе одобряютъ люди добрые, чего ищутъ злые, чего воины, чего поселяне: какимъ образомъ чего избѣгать или достигнуть каждый обыкновенно старается.

Я сіе оставляю безъ дальнѣйшаго изслѣдованія: исчислять всѣ случаи не только было бы долго, но, за множествомъ ихъ, и невозможно: сверхъ того здравый разсудокъ всякому показать сіе можетъ. Впрочемъ, я сослался на сочиненіе, гдѣ обо всемъ пространнѣе видѣть можетъ, кто пожелаетъ. Но всѣ вѣроятія, изъ которыхъ состоитъ наибольшая часть доводовъ, проистекаютъ изъ подобныхъ сему источниковъ: вѣроятно ли, чтобъ сынъ убилъ отца своего; или,

чтобъ отецъ сдѣлалъ кровосмѣшеніе съ своею дочерью: и напротивъ, вѣроятно ли отъ мачихи отравленіе ядомъ, прелюбодѣяніе отъ сладострастнаго. Равно и сіе: вѣроятно ли, чтобъ такое-то злодѣяніе произведено предъ людьми явно, или такой-то свидѣтель, бывъ подкупленъ, показалъ ложно. Ибо всякое, здѣсь упомянутое, лице имѣетъ свои особенныя наклонности, по которымъ, хотя не всегда, однако по бо́льшей части дѣйствуетъ: иначе сіе было бы несомнительною истиною, а не доводомъ.

II. Разсмотримъ теперь *мѣста*, изъ коихъ заимствуются доводы: хотя нѣкоторымъ кажется, что и вышеприведенные примѣры оттуда же извлечены; но я здѣсь называю *мѣстами* не то, что нынѣ многіе разумѣютъ обыкновенно, т. е. тѣ *общія мѣста*, о которыхъ я говорилъ, и которыми объясняются, на примѣръ, вообще распутство, любодѣяніе и тому подобное: сіе почитается за особенные источники, изъ коихъ почерпаются доводы. Какъ не всякая земля всякіе плоды производитъ; напрасно будемъ искать птицы или звѣря, не вѣдая, гдѣ онѣ плодиться или приставать обыкли; иные роды рыбъ любятъ полныя и открытыя воды, другіе лучше водятся въ мѣстахъ каменистыхъ и прибрежныхъ; рыба Helops не ловится въ нашемъ морѣ: такимъ же образомъ не всякой до-

водъ вездѣ попадается, и потому не должно искать его повсюду. Иначе, подвергнешься многимъ ошибкамъ, и послѣ напраснаго труда, развѣ случайно уже попадешь на то, чего ищешь безъ руководства правилъ. А когда знаемъ источникъ, откуда что̀ проистекаетъ, тогда, пришедъ къ мѣсту, удобно усмотримъ, что̀ изъ него почерпнуть можно.

1-е. Итакъ доводы надлежитъ часто заимствовать вопервыхъ отъ лица: ибо мы уже выше сказали, что всѣ они относятся къ вещамъ и лицамъ; а причина, время, мѣсто, случай, орудіе, способъ и все прочее суть только принадлежности вещей. Почему, въ разсужденіи лицъ, я не войду въ подробныя изысканія, по примѣру многихъ, о семъ предметѣ писавшихъ; а покажу только мѣста, откуда доводы брать можно.

Мѣста сіи суть 1) *Порода*. Обыкновенно полагается, что дѣти походятъ на родителей и предковъ своихъ: и нерѣдко происходятъ въ нихъ отсюда причины добродѣтелей и пороковъ.

2). *Народъ*. Ибо каждый народъ имѣетъ свои нравы: нельзя сказать того же самаго и о Варварѣ, и о Римлянинѣ, и о Грекѣ.

3). *Отечество*. Ибо также города и государства имѣютъ свои законы, постановленія и мнѣнія.

4). *Полъ*. Воровство и грабежъ легче предполагать въ мущинѣ, а отраву въ женщинѣ.

5). *Возрастъ.* Ибо иное приличествуетъ болѣе такимъ лѣтамъ, а иное другимъ.

6). *Воспитаніе и обученіе.* Ибо весьма много зависитъ отъ того, кѣмъ и какъ кто руководствованъ.

7). *Видъ и сложеніе тѣла.* Красота часто приводится въ доказательство сладострастія, а крѣпость въ доказательство насилія. Противныя качества обращаются въ противную сторону.

8). *Имущество.* Не можно о человѣкѣ богатомъ, имѣющемъ много родственниковъ, друзей, услужниковъ, заключать того же, что и о человѣкѣ бѣдномъ, лишенномъ всѣхъ сихъ пособій.

9). *Состояніе.* Ибо есть великое различіе между человѣкомъ знатнымъ и беззнатнымъ, между должностнымъ и частнымъ, между отцемъ и сыномъ, между гражданиномъ и пришельцемъ, между свободнымъ и рабомъ, между женатымъ и холостымъ, между имѣющимъ дѣтей и бездѣтнымъ.

10). *Свойства душевныя.* Ибо скупость, гнѣвъ, добродушіе, жестокосердіе, суровость, и другія подобныя качества, прибавляютъ или убавляютъ вѣроятіе: равно какъ и *образъ жизни* берется въ разсужденіе, смотря по тому, пышенъ ли оный, умѣренъ, или доходитъ до подлости.

11). *Ремесло.* Ибо житель сельскій и город-

скій, купецъ, воинъ, мореходецъ, врачъ, всѣ мыслятъ и дѣйствуютъ различно.

Надобно также вникать, каковымъ каждое лице *казаться* старается; ибо иной хочетъ прослыть богатымъ, другой краснорѣчивымъ, иной справедливымъ, другой сильнымъ. Не меньше обращать должно вниманіе и на прежнія *дѣла* и *рѣчи* лицъ, поелику изъ прошедшаго можно заключать и о настоящемъ.

Нѣкоторые въ числѣ показанныхъ источниковъ полагаютъ и *имя* лица. Хотя оно съ лицемъ нераздѣльно, но рѣдко служитъ доказательствомъ, развѣ будетъ дано или по какой нибудь особенной причинѣ, какъ-то *мудрый*, *великій*, и проч. или оно подало поводъ къ какому нибудь предпріятію, какъ, напримѣръ, Лентулъ вступилъ въ заговоръ съ Катилиною, будто бы по тому, что въ Сивиллиныхъ книгахъ и прорицаніями гадателей обѣщана верховная власть тремъ Корнеліямъ, и что онъ почелъ себя, послѣ Силлы и Цинны, третьимъ, поелику назывался также Корнеліемъ. Мы находимъ и въ Эврипидѣ, что имя Полиника выставлено братомъ его Этеокломъ за доказательство его нравовъ: но одобрить сего не можно. Однако отъ имени часто берется поводъ къ остроумнымъ шуткамъ; видимъ тому не одинъ примѣръ въ рѣчахъ Цицерона противъ Верреса.

Вотъ какія и имъ подобныя разсужденія относятся къ лицамъ. Я въ дальнѣйшія подробности по сему предмету не вступаю: довольно, что ищущимъ большихъ свѣденій показалъ къ тому дорогу.

1-е. Теперь будемъ говорить о вещахъ; и какъ дѣянія наиболѣе связаны съ лицемъ, то прежде всего начнемъ съ нихъ. При всякомъ дѣлѣ обыкновенно слѣдуютъ вопросы: или *для чего*, или *гдѣ*, или *когда*, или *какъ*, или *посредствомъ чего*, произведено оное.

Итакъ берутся доводы отъ причинъ дѣяній, совершенныхъ или совершиться имѣющихъ: и которыхъ предметомъ иные вещь *ὕλην*, а иные силу *δύναμιν* называютъ, и раздѣляютъ на два рода, а каждый родъ на четыре вида. Ибо вся цѣль нашихъ дѣяній есть или *полученіе*, *приращеніе*, *сохраненіе*, *употребленіе* какого либо добра; или *предвареніе*, *удаленіе облегченіе зла*, и *премѣненіе онаго на доброе:* сіи побужденія входятъ во всѣ наши разсужденія. Но только дѣянія добрыя происходятъ отъ сихъ причинъ; худыя же напротивъ раждаются отъ ложныхъ мнѣній. Ибо источникъ сихъ послѣднихъ кроется въ томъ, что мы иногда мнимое добро или зло почитаемъ за истинныя. Отсюда происходятъ наши заблужденія и пагубныя страсти, какъ-то гнѣвъ, ненависть, зависть, сребролю-

біе, гордость, дерзость, страхъ, и проч. Къ симъ причинамъ прибавляются иногда и случайныя, необдуманныя, какъ-то пьянство, невѣденіе, которыя могутъ служить и извиненіемъ, и доказательствомъ преступленія: напримѣръ, утверждаемъ, что такой-то убилъ врага своего, и что онъ не могъ не сдѣлать сего....

Доводы берутся еще и отъ *мѣста*. Чтобъ усилить доказательство, нужно представить положеніе мѣста, гдѣ происходило дѣйствіе; гористое ли оно или ровное, приморское, или удаленное отъ моря; засѣянное, или впустѣ лежащее; прохожее, или пустое; близкое, или удаленное; благопріятствующее намѣренію, или напротивъ. Цицеронъ въ рѣчи своей за Милона весьма много опирается на сіи обстоятельства. Онѣ хотя и принадлежатъ къ разсужденіямъ догадочнымъ; но также могутъ быть приложены къ дѣлу, напримѣръ, частное ли, или общенародное мѣсто; простое, или священное; намъ или другому принадлежащее: такъ какъ и въ лицѣ разбирается качество Государственнаго человѣка, отца, чужестранца. Ибо отсюда раждаются слѣдующіе вопросы: ты похитилъ деньги частнаго человѣка: но поелику похитилъ ихъ изъ храма, то учинилъ не воровство, а святотатство.... Мѣсто часто показываетъ качество дѣянія. Ибо не вездѣ позволительно и прилично тоже самое

дѣло. Нужно разбирать и то, въ какомъ городѣ или странѣ что либо рѣшиться должно: повсюду есть разница въ законахъ и обыкновеніяхъ. Мѣсто можетъ иногда возбудить одобреніе и негодованіе. Какъ - то Аяксъ у Овидія говоритъ: *предъ кораблями начинаемъ споръ, и меня равняютъ съ Улиссомъ.* Равно и Милонъ былъ между прочимъ укоряемъ, что убилъ Клодія при гробахъ предковъ его.

Столько же достойно вниманіе и *время*.... какъ въ родѣ доказательномъ, такъ и разсудительномъ, особенно же въ родѣ судебномъ. Ибо оно подаетъ поводъ къ разбирательству по правамъ, служитъ къ различенію качества дѣла, и разрѣшаетъ часто случаи *догадочные*, такъ что иногда доставляетъ неоспоримыя доказательства: напримѣръ, когда удостовѣримъ, что тотъ, за чьею подписью представлено письменное доказательство, умеръ еще до того времени; или что обвиняемый въ какомъ либо дѣлѣ, или былъ тогда еще ребенкомъ, или вовсе не родился. Кромѣ сего, легко выводятся доказательства изъ обстоятельствъ, и предшествовавшихъ дѣйствію, и сопровождавшихъ оное, и изъ послѣдующихъ. Изъ предшествовавшихъ, напримѣръ: *ты грозился убить его, ты вышелъ ночью прежде его отъѣзда, чтобъ напасть на него на дорогѣ.* Изъ сопровождавшихъ: *слышанъ былъ шумъ; поднялся*

крикъ и вопль. Изъ послѣдующихъ: *ты скрылся, ты убѣжалъ; на тѣлѣ его показались синія пятна, опухоль.*

Надлежитъ, особенно въ дѣлахъ догадочныхъ, брать въ разсмотрѣніе и возможность или удобность. Ибо вѣроятнѣе, что немногіе убиты отъ многихъ, слабѣйшіе отъ сильнѣйшихъ, сонные отъ бодрствующихъ, нечающіе отъ вознамѣрившихся: такъ и напротивъ, вѣроятнѣе слабѣйшій побѣждается отъ сильнѣйшаго и проч. Подобныхъ обстоятельствъ не должно выпускать изъ виду въ родѣ разсудительномъ; въ судебномъ же заключаются онѣ обыкновенно въ двухъ вопросахъ: *Хотѣлъ ли кто, и могъ ли то сдѣлать:* ибо отъ надежды успѣха часто раждается и хотѣніе. По сему-то и обратилъ Цицеронъ слѣдующія догадки противъ Клодія. *Не Милонъ нападчикъ, а Клодій; сей сопровождаемъ былъ сильными служителями, а тотъ женщинами; сей на конѣ, а тотъ въ носилкахъ; сей изготовился къ нападенію, а тотъ сидѣлъ, завернувшись въ плащь свой.* Къ возможности можно присовокупить и орудіе, употребленное къ произведенію дѣйствія. Ибо отъ орудія иногда раждаются и признаки, какъ, на примѣръ, остріе копья, найденное въ тѣлѣ.

Ко всѣмъ симъ источникамъ доводовъ прибавляется еще *способъ.* Здѣсь изыскивается, ка-

кимъ образомъ происходило дѣйствіе. Сіе покажетъ и качество и законность онаго; на примѣръ, когда утверждаемъ, что прелюбодѣй не ядомъ отравленъ; ибо не только позволено, но и предписано употреблять противъ него желѣзо: равно можемъ разрѣшить и догадочные случаи, когда говоримъ, что такое-то дѣло съ добрымъ намѣреніемъ сдѣлано, поелику сдѣлано явно; а такое съ худымъ, потому что произведено украдкою, ночью, въ уединенномъ мѣстѣ.

Во всѣхъ вещахъ, о свойствѣ и силѣ которыхъ разсуждается независимо отъ отношенія ихъ къ лицамъ и другимъ обстоятельствамъ, составляющимъ дѣло, надлежитъ имѣть въ виду три вопроса: существуетъ ли оно, въ чемъ состоитъ, каково оно? Но какъ есть многіе источники доказательствъ общіе и для всѣхъ сихъ разсужденій, то раздѣлить ихъ на показанные три рода не можно; по чему я и буду помѣщать ихъ въ тѣхъ статьяхъ, подъ которыя они подходятъ.

Итакъ берутся доводы отъ *опредѣленія:* и сіе дѣлается двоякимъ образомъ: или просто вопрошаемъ, что есть добродѣтель? или, сдѣлавъ ей опредѣленіе, спрашиваемъ, добродѣтель ли это? Опредѣляемъ же или общими словами, какъ на примѣръ: Риторика есть наука хорошо говорить: или чрезъ исчисленіе частей: Риторика

есть наука правильно изобрѣтать, располагать и излагать мысли, при твердой памяти и благопристойномъ произношеніи. Сверхъ того опредѣляемъ или по существу вещи, какъ сдѣлано выше, или по производству словъ, какъ богатымъ называемъ того, кого богъ надѣлилъ; скупымъ, кто скопляетъ, и проч.

Къ *опредѣленію* неотъемлемо принадлежатъ родъ, видъ, свойство, различіе. Изъ всѣхъ сихъ источниковъ почерпаются доказательства.

Родъ не подтверждаетъ вида, а паче служитъ къ опроверженію онаго. Итакъ нельзя сказать: поелику не есть дерево, слѣдовательно есть яворъ; а поелику не есть дерево, слѣдовательно и не яворъ. Или: то, что не есть добродѣтель, не можетъ быть и справедливостію. Итакъ отъ рода должно низходить до послѣдняго вида: на примѣръ, *человѣкъ есть животное.* Сего недовольно, ибо это есть родъ: *смертное,* это хотя и видъ, но опредѣленіе будетъ приличествовать и многимъ другимъ животнымъ: а когда скажешь, *разумное,* тогда будетъ достаточно къ объясненію твоей мысли.

Напротивъ, видомъ подтверждается родъ, а не опровергается. Ибо то, что есть справедливость, есть уже и добродѣтель. Что хотя не есть справедливость, однако можетъ быть добродѣтель какъ-то мужество, воздержаніе, твер-

дость. Такимъ образомъ родъ никогда не отъемлется отъ вида, какъ развѣ уже всѣ виды, принадлежащіе къ тому роду, будутъ отвергнуты: напримѣръ, что̀ ни смертно, ни безсмертно, то не есть животное.

Къ роду и виду прибавляютъ еще качества собственныя и качества различныя: собственными подтверждается опредѣленіе, а различными уничтожается. Собственное качество есть то, что̀ или чему нибудь одному приличествуетъ, какъ человѣку слово, смѣхъ: или хотя и приличествуетъ, но не одному чему ни есть, какъ огню согрѣвать. И та же самая вещь можетъ имѣть многія свойства, какъ огонь имѣетъ свойство свѣтить, грѣть. По чему, ежели опустить одно свойство, то не будетъ правильнаго опредѣленія: да и остальныя качества не сдѣлаютъ его лучшимъ. Но весьма часто вопрошается, въ чемъ состоитъ свойство каждой вещи. Что̀ же не есть свойство, то называется качествомъ различнымъ, какъ напримѣръ, иное есть служить, иное быть рабомъ: отсюда раждается вопросъ, можно ли назвать рабомъ должника, который осуждается закономъ служить заимодавцу? Нѣтъ; ибо рабъ, получивъ свободу отъ своего господина, становится отпущенникомъ; но сего о несостоятельномъ должникѣ сказать не льзя.

Можно также заимствовать доводы отъ *Раздѣленія:* раздѣленіемъ доказывается, что или всѣ части предложенія ложны, или что одна изъ нихъ справедлива. Всѣ части дѣлаются ложными такимъ образомъ: ты говоришь, что далъ деньги въ заемъ? Ты ихъ или имѣлъ у себя, или отъ кого нибудь получилъ, или нашелъ, или укралъ. Ежели ихъ ни дома у тебя не было, ни отъ другаго не получилъ, и проч. то ты денегъ въ заемъ не давалъ. Одно предложеніе остается истиннымъ, напримѣръ: рабъ, коего ты присвояешь, или родился у тебя въ домѣ, или купленъ, или тебѣ подаренъ, или по завѣщанію достался, или взятъ, какъ плѣнный, или чужій. Если опровергнешь всѣ первыя предложенія, останется одно послѣднее справедливо, что рабъ принадлежитъ другому.

Но при такихъ раздѣленіяхъ надлежитъ поступать съ великою осторожностію, тщательно обдумывать родъ: ибо ежели въ предложеніяхъ хотя одинъ видъ опустишь, то вся рѣчь смѣхомъ кончится. Всего безопаснѣе слѣдовать примѣру Цицерона, который, говоря за Цецинну, вопрошаетъ своего соперника: ежели не о семъ идетъ здѣсь рѣчь, такъ въ чемъ же состоитъ дѣло? Ибо симъ самымъ, не входя въ подробности, отвергаетъ всѣ виды; или дѣлать два противныя между собою предложенія, изъ кото-

рыхъ одно должно быть справедливо, какъ у Цицерона: нѣтъ никого толь предубѣжденнаго противъ Клуенція, кто бы не согласился со мною, что ежели судьи были подкуплены, то подкуплены или отъ Авита, или отъ Оппіаника. Если покажу, что не отъ Авита, то убѣжду, что отъ Оппіаника; и когда докажу, что отъ Оппіаника, тогда оправдаю Авита.

Можно брать доводы отъ предметовъ *сходныхъ*. Напримѣръ: ежели воздержаніе есть добродѣтель, то и умѣренность также. Отъ *несходныхъ:* веселіе есть добро, но не роскошество. Отъ *противныхъ:* умѣренность есть добро, ибо роскошь есть зло. Ежели война причиняетъ много бѣдствій, то миръ за сіе вознаграждаетъ. Ежели тотъ, кто оскорбилъ безъ намѣренія, заслуживаетъ извиненіе; такъ, напротивъ, тотъ, кто оказалъ услугу безъ доброй воли, недостоинъ награды. Отъ *противорѣчащихъ видимо:* кто глупъ, тотъ неуменъ. Отъ *послѣдующихъ* или *присоединенныхъ:* ежели правосудіе есть добро, то надобно судить праведно. Ежели вѣроломство есть зло, то обманывать не должно. Предложенія быть могутъ и превращаемы.

Я почелъ бы за нелѣпое причислять къ симъ источникамъ и такія слова, которыя, означая тоже, разнятся только окончаніями или какою нибудь перемѣною буквъ, и называются

наклоненіемъ, ежели бы примѣровъ сему не было у Цицерона. Какъ-то: кои поступаютъ по справедливости, тѣ дѣлаютъ справедливое дѣло. Вещь общая должна принадлежать обществу. Это такъ ясно, что не требуетъ никакого доказательства.

Сношеніями или *сравненіями* называются такіе доводы, въ которыхъ бóльшее меньшимъ, меньшее бóльшимъ, равное равнымъ подтверждается.

Въ случаяхъ догадочныхъ, подтверждается меньшее бóльшимъ: напримѣръ, *человѣкъ, сдѣлавшій святотатство, легко отважится на воровство*. Меньшимъ бóльшее: *кто явно и смѣло лжетъ, тотъ не посовѣстится поклясться ложно*. Равнымъ равное: *кто взялъ деньги за неправый судъ, тотъ возметъ ихъ и за ложное свидѣтельство*.

Право доказывается такимъ образомъ, отъ бóльшаго къ меньшему: *если позволено убить прелюбодѣя, то кольми паче скопить*. Отъ меньшаго къ бóльшему: *если ночнаго вора убить дозволяется, то кольми паче разбойника*. Отъ равнаго къ равному: *какая казнь положена закономъ за убивство отца, такая должна быть и за убивство матери*. Всѣ сіи доводы излагаются силлогизмами.

Они наиболѣе употребляются при опредѣленіяхъ и качествахъ дѣла: ежели сила тѣлесная не есть добро, то и здоровье не добро. Ежели воровство есть преступленіе, то кольми паче святотатство. Ежели умѣренность есть добродѣтель, то и воздержаніе. Ежели міръ управляется Промысломъ, то и о управленіи Республики пещися должно. Ежели умъ потребенъ для строенія дома, то кольми паче для строенія корабля и военныхъ орудій.

Итакъ вкратцѣ заключу, что доказательства берутся отъ лицъ, причинъ, мѣстъ, времени, возможностей (къ которымъ отношу и орудіе), отъ способа, т. е. что̀ какъ дѣлается, отъ опредѣленія, рода, вида, приличнаго, неприличнаго, противнаго, опроверженія частей, отъ сходнаго, несходнаго, видимо противорѣчащаго, послѣдующаго,... отъ словъ, измѣненныхъ окончаніемъ или буквами, отъ сравненія, которое раздѣляется на многіе виды...

III. Вотъ главныя мѣста, откуда Ораторъ можетъ заимствовать свои доказательства. Нельзя съ точностію раздѣлить ихъ на роды; ибо каждое изъ нихъ доставляетъ безчисленное множество доводовъ, однакожъ и раздробить ихъ на виды нѣтъ возможности. Тѣ, кои на сіе покушались, подвергались двумъ погрѣшительнымъ

крайностямъ: говорили слишкомъ много, но не все нужное объяснили.

По сему-то многіе изъ молодыхъ людей, заблудясь въ такомъ неизходномъ лабиринтѣ, оставляютъ руководство собственнаго разума, и будучи, какъ бы нѣкоторыми узами связаны, смотрятъ только на правила, и природѣ, какъ лучшему вождю, не слѣдуютъ. Ибо, какъ не довольно знать вообще, что всѣ доводы берутся или отъ лицъ или отъ вещей; поелику и сіи обѣ статьи требуютъ многихъ раздѣленій: такъ мало и того, ежели заптвердимъ, что доказательства извлекаются отъ предъидущихъ, сопровождающихъ и послѣдующихъ обстоятельствъ, когда не будемъ умѣть разбирать, что̀ именно и какому дѣлу приличествуетъ: а паче, когда многіе доводы въ самомъ существѣ дѣлъ находятся, и съ другими тяжбами ничего общаго не имѣютъ; и сіи-то доводы суть самые сильные; но показать и изчислить ихъ почти невозможно: общія правила покажутъ, гдѣ искать и какъ употреблять ихъ. Сей родъ доказательствъ назовемъ родомъ, изъ обстоятельствъ дѣла извлеченнымъ; ибо Греческаго рѣченія *περίςασιν* иначе выразить не можно: или родомъ, на существѣ каждаго дѣла основаннымъ.

Здѣсь не меньше надлежитъ пещися о томъ, о чемъ предлагаемъ, сколько о томъ, какъ дока-

зать предложенное. Здѣсь сила изобрѣтенія, если не большее, то конечно главное имѣетъ мѣсто. (Ибо къ чему послужатъ стрѣлы, когда не вѣдаемъ, во что цѣлить?) Такъ безполезны и доказательства, если не предусмотримъ, гдѣ употребить ихъ должно. До сего не можно достигнуть наукою. На это нѣтъ правилъ. Отъ сего происходитъ, что изъ числа многихъ Ораторовъ, одними и тѣми же правилами руководствующихся и подобные же роды доводовъ употребляющихъ, одни найдутъ для себя больше пособій, нежели другіе.

Возмемъ въ примѣръ тяжбу, которая заключаетъ въ себѣ вопросы, совсѣмъ особенные и наименѣе обыкновенные. Александръ, по разореніи города Ѳивъ, нашелъ письменное обязательство, изъ коего видно было, что Ѳессалійцы заняли у Ѳивянъ сто талантовъ, и не заплатили. А поелику Ѳессалійцы помогали Александру вести войну сію, то онъ и отдалъ имъ, какъ бы въ награду, помянутое обязательство. Спустя нѣсколько времени, Кассандръ возстановилъ Ѳивы, и Ѳивяне требуютъ своего долгу съ Ѳессалійцевъ. Дѣло поступаетъ на судъ Амфиктіоновъ (*). Оказывается, что сто талантовъ

(*) *Амфиктіоны*, общіе судьи всѣхъ Греческихъ народовъ; они, для разбиранія важныхъ тяжбъ, собирались въ Ѳермопилахъ; рѣшенія ихъ почитались неоспоримыми.

одними даны, а другими не возвращены. Вся тяжба состоитъ въ томъ, что яко бы Александръ подарилъ Ѳессалійцамъ сію сумму. Оказывается также, что Александръ не давалъ имъ денегъ. Итакъ спрашивается, данное Александромъ можно ли почитать за одно, какъ будто бы даны отъ него деньги. Къ чему мнѣ послужатъ мѣста или источники доказательствъ, ежели не увижу прежде, что его подареніе не дѣйствительно, что онъ не могъ подарить, и не подарилъ?

Казалось бы, не льзя оспорить, что Ѳивяне справедливо требуютъ своего добра, силою у нихъ отнятаго: но отсюда раждается важный и трудный вопросъ о правахъ: Ѳессалійцы говорятъ, что на семъ правѣ царства и народы, предѣлы городовъ и цѣлыхъ племенъ утверждаются. Здѣсь надобно противоположить причины, по которымъ дѣло Ѳивянъ не можетъ зависѣть отъ власти завоевателя: и затрудненіе состоитъ не столько въ доказательствѣ, сколько въ предложеніи. Вопервыхъ, скажемъ, что въ такомъ дѣлѣ, которое можетъ подлежать законному суду, не имѣетъ мѣста право войны: что отнято оружіемъ, то оружіемъ только и удерживается. Итакъ, гдѣ оружіе и сила остаются при своихъ правахъ, тамъ не нуженъ судья: а гдѣ судья потребенъ, тамъ сила лишается права

своего. Вотъ что̀ утвердить надобно прежде, а потомъ искать доказательства, какъ напримѣръ: военноплѣнные, возвратившіеся какимъ ниесть случаемъ въ свое отечество, становятся опять свободными: ибо пріобрѣтенное оружіемъ, тою же силою только и сохраняется. Еще служитъ къ подкрѣпленію иска Ѳивянъ и то, что судятъ объ немъ Амфиктіоны: поелику разбираютъ тѣ же дѣла иначе Центумвиры (*), иначе судья низшій или частный.

По второй статьѣ скажемъ, что побѣдитель не могъ никому передать права побѣжденныхъ, поелику оно неотъемлемо принадлежитъ тому, кто имъ владѣлъ: оно не есть что̀ либо вещественное, и слѣдственно руками взято быть не можетъ. Такое предложеніе труднѣе изобрѣсти, нежели подтвердить доказательствами, каково сіе: положеніе наслѣдника различно отъ положенія побѣдителя: ибо къ тому и вещь и право переходятъ, а къ сему только вещь. Можно еще сказать, что по самому существу дѣла, право общественнаго довѣрія не могло перейти къ побѣдителю, поелику что̀ давалъ цѣлый народъ, то всему же народу и возвращено быть

(*) *Центумвиры*, во время Квинтиліана, разбирали дѣла самыя важныя, и приговоры ихъ не подвергались уже никакому пересмотру.

должно: и что хотя бы одинъ изъ гражданъ, въ живыхъ остался, то и онъ былъ бы прямымъ заимодавцемъ, а не другой кто: извѣстно же, что не Ѳивяне попались въ руки Александра. Сіе не требуетъ доказательствъ: дѣло само по себѣ ясно.

Въ третьей статьѣ можно сказать, что право Ѳивянъ не держится въ письменномъ обязательствѣ, которое Александръ возвратилъ Ѳессалійцамъ; и это доказать не трудно. Можно даже навесть сомнѣніе, освободить ли отъ долгу хотѣлъ Александръ Ѳессалійцевъ, или только обмануть. Наконецъ особенно принадлежитъ къ дѣлу, и какъ бы новый споръ составляетъ то, что, если и могли Ѳивяне потерять право свое, то опять, кажется, возвратили оное, по своемъ возстановленіи. Здѣсь разсматривается и намѣреніе Кассандра. Но справедливаго рѣшенія сему дѣлу надлежитъ ожидать отъ верховнаго суда Амфиктіоновъ.

IV. Впрочемъ, я говорю сіе не по тому, чтобы знаніе источниковъ, откуда почерпаются доказательства, почиталъ безполезнымъ: но для того, чтобы пріобрѣтшіе оное не вознерадѣли о всемъ прочемъ, почитая себя уже совершенными; и знали бы, что они получили свѣдѣніе весьма недостаточное, ежели не будутъ прилѣжать и къ прочимъ частямъ. Не должно вооб-

ражать, будто бы начали мы изобрѣтать доказательства не прежде, какъ по появленіи правилъ: напротивъ употреблялись всѣ роды доводовъ, когда еще не было правилъ; потомъ многіе писатели дѣлали свои наблюденія, а все вмѣстѣ въ свѣтъ издали. Сіе доказывается тѣмъ, что приводимые ими примѣры взяты изъ древнихъ Ораторовъ: сами они не изобрѣли ничего новаго. Итакъ виновники искуства Витіи: но надлежитъ благодарить и тѣмъ, кои трудъ нашъ облегчили. Ибо что̀ первые изобрѣли силою своего разума, того уже намъ искать не надобно: для насъ уже все готово. Но сего еще не довольно, какъ не довольно для бойца научиться нужнымъ для него пріемамъ, если онъ не постарается укрѣплять тѣла своего упражненіемъ, воздержаніемъ и хорошею пищею: такъ и свѣденія, безъ наставленій, какъ употреблять ихъ, принесутъ не много пользы.

Учащіеся Краснорѣчію при томъ еще знать должны, что показанныхъ мною правилъ не льзя держаться при всякомъ случаѣ, и что, сочиняя рѣчь, не надлежитъ перебирать всѣхъ сихъ источниковъ, и толкаться, такъ сказать, у каждыхъ воротъ, дабы найти какое либо доказательство къ нашему предложенію. Сіе быть можетъ позволено только начинающимъ учиться и еще не имѣющимъ опыта. Ибо крайнее замедленіе

произошло бы отъ того, когда бы надобно было съ такимъ трудомъ искать доводовъ. При томъ же не знаю, не послужитъ ли многочисленность правилъ еще препятствіемъ въ успѣхахъ Краснорѣчія, ежели и природный разсудокъ, и ученіемъ пріобрѣтенная способность, не доведутъ насъ прямо къ тому, что̀ пригодно и прилично нашему предмету. Какъ пѣніе гораздо пріятнѣе бываетъ, когда соединяется съ согласными звуками струнъ; но ежели неопытная рука будетъ останавливаться при каждомъ измѣненіи голоса, дабы къ нему примѣняться, тогда лучше довольствоваться однимъ простымъ пѣніемъ: такъ и правила, на подобіе сладкозвучнаго орудія, должны быть приспособлены ко всѣмъ родамъ Краснорѣчія. Но достигаемъ сего не иначе, какъ долговременнымъ упражненіемъ: у искусныхъ музыкантовъ, безъ дальняго со стороны ихъ вниманія, рука сама попадаетъ, по привычкѣ, на всѣ низкіе, высокіе и средніе звуки. Множество и разнообразіе доводовъ ни мало не останавливаютъ и не развлекаютъ Оратора, но уму его представляются сами собою; и какъ буквы и слоги отъ пишущаго не требуютъ размышленія, такъ и причины одна за другою непринужденно слѣдуютъ.

ГЛАВА XI.

О ПРИМѢРАХЪ.

Третій родъ доказательствъ, кои заимствуются внѣ дѣла къ утвержденію онаго, и называются *Примѣромъ*... Примѣръ есть сказаніе о событіи подлинномъ, или за таковое признанномъ, приведенный для подтвержденія нашего предложенія. Итакъ надобно смотрѣть, совершенно ли сходно, или только отчасти сходно оное, дабы изъ него взять всѣ обстоятельства, или только тѣ, кои намъ нужны. Оно *совершенно сходно:* Сатурнинъ убитъ справедливо, какъ и Гракхи. *Несходно:* Брутъ убилъ дѣтей своихъ, измѣну умышлявшихъ; Манлій смертію наказалъ сына за побѣду. *Противное:* Марцеллъ возвратилъ разныя рѣдкости Сиракузянамъ, когда они были нашими непріятелями; Вересъ отнялъ у нихъ, когда сдѣлались они нашими союзниками. И въ родѣ доказательномъ, гдѣ похваляется или охуждается дѣйствіе, берутся изъ примѣровъ доводы такимъ же образомъ; и въ родѣ разсудительномъ, когда рѣчь идетъ о чемъ ниесть будущемъ, при-

водъ подобныхъ примѣровъ много способствуетъ къ убѣжденію: дабы доказать, что Діонисій требуетъ себѣ тѣлохранителей не для своей безопасности, но чтобы при помощи ихъ подвергнуть народъ рабству, можно привесть въ примѣръ, что такимъ же способомъ Пизистратъ похитилъ верховную власть.

Но какъ есть примѣры, во всѣхъ обстоятельствахъ сходные, каковъ выше приведенный; такъ можно представить и такіе, въ которыхъ дѣлается заключеніе отъ бо́льшаго къ меньшему, и отъ меньшаго къ бо́льшему: ежели нарушеніе супружеской вѣрности цѣлые города изпровергало, то какому наказанію подлежитъ прелюбодѣй? Ежели музыканты, сговорившіеся оставить Римъ, съ честію опять призваны Сенатскимъ опредѣленіемъ, то кольми паче должно возвратить мужей знаменитыхъ и заслуженныхъ, кои удалились изъ отечества, бывъ гонимы завистію. Примѣры, не во всемъ равные, имѣютъ особенное дѣйствіе при увѣщаніи. Мужество удивительнѣе въ женщинѣ, нежели въ мущинѣ. Итакъ ежели побуждаемъ кого къ какому ниесть отважному дѣлу, то примѣры Горація и Торквата не столько тронутъ его, сколько примѣръ той женщины, которая собственною рукою поразила Пирра: и презирать смерть не столько научаютъ Катонъ и Сципіонъ,

сколько Лукреція. Здѣсь слѣдствіе выводится отъ меньшаго къ бо́льшему.

Образцы сихъ родовъ займемъ у Цицерона; да и гдѣ лучше найти ихъ? Примѣръ подобный находится въ рѣчи за Мурену (N. 17.): *ибо тоже со мной самимъ случилось, когда я въ исканіи мѣста былъ соперникомъ двумъ Патриціямъ, изъ которыхъ одинъ былъ самый безчестный и дерзкій, другой самый честный и скромный; однако я превозмогъ Катилину достоинствомъ, а Гальбу пріобрѣтенною довѣренностію.* Въ рѣчи за Милона, примѣръ заключенія отъ бо́льшаго къ меньшему: *Враги наши утверждаютъ, что человѣкъ, признающійся въ смертоубивствѣ, не достоинъ дневнаго свѣта. Въ какомъ городѣ такъ разсуждаютъ сіи невѣжды? Въ Римѣ, гдѣ первый уголовный судъ произведенъ былъ надъ М. Гораціемъ, мужемъ доблестнымъ, который собственною рукою убилъ сестру свою, и въ собраніи народномъ былъ освобожденъ отъ всякаго истязанія, когда еще Республика не наслаждалась такою свободою, какъ нынѣ.* Отъ меньшаго къ бо́льшему: *я убилъ, убилъ не Спурія Мелія, который расточеніемъ своего имѣнія въ угодность народа, сдѣлался подозрительнымъ въ исканіи верховной власти,* и проч. Потомъ: *но того* (ибо могъ признаться, что симъ избавилъ отечество отъ угрожавшей опасности) *нечестивца, который свя-*

щенные обряды наши хотѣлъ осквернить любодѣяніемъ. Сей доводъ употребленъ въ рѣчи противъ Клодія.

Примѣры же несходные, разнымъ образомъ приводятся. Здѣсь берутся въ разсужденіе родъ, способъ, время, мѣсто и прочія обстоятельства, изъ которыхъ почти всѣ употреблены Цицерономъ, для опроверженія прежнихъ приговоровъ противъ Клуенція (Pro Cluent. n. 134.). А примѣромъ противнымъ охуждаетъ поведеніе Ценсоровъ, похваляя Ценсора Африкана, который при смотрѣ Римскихъ всадниковъ, обличилъ К. Лицинія въ учиненіи ложной клятвы, сказавъ громогласно предъ всѣмъ собраніемъ, что онъ совершенно знаетъ и можетъ представить доказательство, ежели кто возразитъ на сіе. Когда же никакого возраженія не послѣдовало, приказалъ у виновнаго отнять лошадь. Примѣръ противнаго, излагать собственными словами Цицерона было бы много: у Виргилія (2. Aen. 540.) находимъ оный въ кратчайшихъ выраженіяхъ:

At non ille, satum quo te mentiris, Achilles,
Talis in hoste fuit Priamo.

т. е. Но тотъ Ахиллесъ, отъ коего ты несправедливо производишь родъ свой, не былъ таковъ къ Пріаму, врагу своему.

О нѣкоторыхъ же дѣяніяхъ можно повѣствовать со всею подробностію. Примѣръ сему у Цицерона въ рѣчи за Милона (N. 9.): когда Военный Трибунъ хотѣлъ обезчестить воина въ станѣ К. Марія, то оскорбленный убилъ сего родственника Полководца своего. Ибо благонравный юноша хотѣлъ лучше подвергнуться опасности, нежели снести безчестіе. Знаменитый Марій простилъ юношу, который, для избѣжанія преступленія, смерть презрилъ. Иногда довольно намекнуть только о дѣяніи, какъ дѣлаетъ также Цицеронъ, говоря за того же: итакъ должно бы опорочить и Галу Сервилія, и П. Назику, и Л. Опимія, и самый Сенатъ, въ мое Консульство, если бы истреблять злодѣевъ не было позволительно. Въ сихъ случаяхъ болѣе или менѣе распространяемся, смотря по тому, болѣе или менѣе они извѣстны, или какъ потребуетъ наша польза, или приличіе.

Такимъ же образомъ приводятся примѣры и изъ піитическихъ вымысловъ, которые однакожъ заслуживаютъ меньшую степень вѣроятія. Какъ ихъ употреблять, показываетъ также Цицеронъ, великій Ораторъ и учитель Краснорѣчія. Читаемъ въ той же рѣчи его: *и сіе, судіи, не безъ причины предали намъ ученѣйшіе мужи въ баснословныхъ вымыслахъ, что нѣкогда Орестъ, убившій мать свою, въ отмщеніе за смерть сво-*

его отца, послѣ различныхъ мнѣній судей, былъ оправданъ не только приговоромъ человѣческимъ, но и мудрѣйшія Божіи соизволеніемъ.

Даже и тѣ басни, которыя хотя не Езопомъ выдуманы (ибо начало свое имѣютъ, кажется, отъ Гезіода), но извѣстны болѣе подъ именемъ Езопа, служить могутъ къ убѣжденію, особливо людей грубыхъ и неученыхъ, кои простые расказы охотнѣе слушаютъ, и тому, что ихъ забавляетъ, скорѣе вѣрятъ. Сказываютъ, что Мененій Агриппа примирилъ народъ съ Сенатомъ, извѣстною баснею о возмутившихся противъ брюха членахъ тѣла человѣческаго. Да и Горацій (L. 1. epist. 1. v. 75.) не почелъ за низкое прибѣгнуть къ сему роду въ своихъ стихотвореніяхъ:

Olim quod vulpes aegroto cauta leoni, etc.

Нѣкогда хитрая лисица больному льву, и пр.

Такую же почти силу, какъ и примѣръ, имѣетъ подобіе, и особенно, когда выводится оно, безъ всякихъ иносказаній, отъ обстоятельствъ почти равныхъ. На примѣръ (Pro Cluent. 75.): *Какъ при выборахъ* тѣ, кои привыкли продавать свои голоса, не любятъ нехотящихъ покупать ихъ: такъ и корыстолюбивые судьи пришли съ непріязненнымъ духомъ *противъ судимаго.* Ибо притча, которую Цицеронъ называетъ сравненіемъ, иногда берется издалека при

сравненіи вещей, и не ограничивается одними дѣяніями человѣческими, между собою нѣкоторое соотношеніе имѣющими; какъ, напримѣръ, у Цицерона за Мурену: *Ежели выходящихъ изъ пристани, прибывшіе изъ дальняго плаванія* обыкновенно предувѣдомляютъ со всякимъ добродушіемъ, гдѣ надлежитъ остерегаться и непогодъ и морскихъ разбойниковъ, и опасныхъ мѣстъ; ибо мы естественно желаемъ добра тѣмъ, кои равнымъ съ нами подвергаются бѣдствіямъ, которыя мы сами испытали: то мнѣ, послѣ толь многихъ обуреваній, наконецъ усматривающему берегъ, въ какомъ должно быть расположеніи духа къ тому *человѣку, для коего предвижу величайшія опасности?* Но сравненіе берется и отъ безсловесныхъ, и даже неодушевленныхъ существъ. На примѣръ, въ доказательство, что надобно разумъ украшать науками, можно уподобить его землѣ, которая, бывъ запущена, производитъ терніе и волчецъ, а воздѣланная плодъ произращаетъ: или увѣщевая кого къ понесенію общественныхъ трудовъ, представить пчелъ и муравьевъ, животныхъ не только безсловесныхъ, но и малыхъ, совокупными силами для себя трудящихся. Къ сему роду относится изрѣченіе Цицерона въ рѣчи за Клуенція (N. 146): Какъ тѣло наше безъ души, такъ государство безъ закона своими частьми, какъ нервами, кровію и чле-

*

нами, дѣйствовать не можетъ. Здѣсь заимствуется сравненіе отъ тѣла человѣческаго, а въ рѣчи за Корнелія отъ коней: за Архію (п. 19.), даже отъ камней. А сіи сравненія еще ближе: *Какъ гребцы безъ кормчаго, такъ и воины безъ предводителя успѣха не достигаютъ*.

Однако иныя подобія бываютъ обманчивы, и потому потребенъ въ нихъ разборъ. Ибо изъ того, что новый корабль лучше стараго, не льзя заключать, что новая дружба тверже давней: или, что похвальна въ женщинѣ щедрость денежная, не слѣдуетъ изъ того, чтобы можно похвалить ее и за щедрость тѣлесныхъ ея прелестей. Здѣсь слова *щедрость*, *старость*, *давность* тѣ же; но знаменованіе весьма различно между *деньгами* и *цѣломудріемъ*. Итакъ въ семъ родѣ надобно внимательно смотрѣть, точно ли подобно заключаемое тому, изъ чего заключается. Надобно также съ великою осторожностію отвѣчать на вопросы, по примѣру Сократа предлагаемые: Жена Ксенофонтова худо отвѣчала Аспасіи, по сказанію Есхина, который въ ихъ разговорѣ подражалъ Сократу: скажи мнѣ пожалуй, супруга Ксенофонтова, ежели бы сосѣдка твоя имѣла лучшее золото, нежели какое у тебя, то которое желала бы имѣть? отвѣчаетъ: золото сосѣдки. А ежели бы платье и другіе женскіе наряды у нее были лучше твоихъ, то которые

изъ нихъ хотѣла бы ты имѣть? сосѣдкины, опять отвѣчаешь. А что ежели бы мужъ ея былъ лучше твоего супруга, то котораго бы изъ нихъ ты пожелала? Тутъ жена Ксенофонтова покраснѣла, и не безъ причины; ибо худо отвѣчала, что желаетъ лучше имѣть чужое золото, нежели свое, поелику это безчестно. А если бы отвѣчала, что желаетъ, дабы золото ея было таково же, какъ у сосѣдки, то могла бы отвѣчать, безъ нарушенія скромности, что она мужа своего почитаетъ такимъ добрымъ, какого лучше быть не можетъ...

Ко внѣшнимъ доказательствамъ дѣла прибавляютъ нѣкоторые и *довѣріе*, и называютъ сіе судомъ или сужденіемъ, но не судомъ о какомъ нибудь подобномъ дѣлѣ; ибо тогда можно бы было назвать примѣромъ; а я разумѣю подъ симъ обычай, мнѣніе или сужденіе цѣлаго народа, племени, мудрыхъ мужей, знаменитыхъ гражданъ, славныхъ стихотворцевъ, и проч.

Не безъ употребленія могутъ быть и тѣ свидѣтельства, которыя основаны на простонародныхъ изрѣченіяхъ, утвержденныхъ общимъ довѣріемъ. Онѣ нѣкоторымъ образомъ еще сильнѣе потому, что не къ настоящему дѣлу приложены, а взялись отъ людей, пристрастіемъ и ненавистію непредубѣжденныхъ, по причинѣ за

ключающейся въ нихъ нравственности или истины.

Когда я говорю о бѣдствіяхъ жизни человѣческой, не сдѣлаю ли впечатлѣнія въ умахъ слушателей, если представлю имъ обыкновеніе народовъ, кои новорожденныхъ встрѣчаютъ со слезами, а умершихъ провожаютъ съ веселіемъ? Или, когда судью хочу подвигнуть на милосердіе, не ужели скажу не кстати, что Аѳины, мудрѣйшая въ свѣтѣ Республика, почитали милосердіе не за чувствіе человѣколюбія, но за благоугожденіе Божеству?

И правила седьми мудрецовъ не признаются ли за нѣкоторыя законоположенія нашего поведенія? Ежели прелюбодѣица обвиняется еще въ отравленіи кого нибудь ядомъ, то не осуждена ли уже Катономъ, который говоритъ, что обличенная въ любодѣяніи обличается вмѣстѣ и въ отравленіи ядомъ?

Мнѣнія также Стихотворцевъ не только Ораторы въ рѣчахъ, но и Философы въ книгахъ своихъ помѣщаютъ: они хотя все прочее почитаютъ ниже своего ученія и правилъ, однако не пренебрегаютъ иногда утверждать достовѣрность своихъ положеній приводимыми для сего стихами. Небезъизвѣстенъ примѣръ, что Аѳиняне надъ Мегарянами, когда спорили между собою объ островѣ Саламинѣ, одержали верьхъ

стихомъ (*) Гомеровымъ, въ которомъ значится, что Аяксъ присовокупилъ корабли свои къ кораблямъ Аѳинскимъ: но стихъ сей не во всѣхъ изданіяхъ находится.

Есть также краткія изрѣченія или пословицы, которыя всѣми приняты, и употребляются тѣмъ паче, что неизвѣстно, изъ чьихъ устъ первоначально онѣ вышли: напримѣръ, *гдѣ дружба, тамъ и богатство.* И, *совѣсть стоитъ тысячи свидѣтелей.* И у Цицерона: *равные, по старинной пословицѣ, съ равными скоро дружатся.* И дѣйствительно, такія изрѣченія не переходили бы изъ вѣка въ вѣкъ, ежели бы всѣмъ людямъ не казались истинными.

(*) Плутархъ говоритъ, что Солонъ помѣстилъ сей стихъ въ рѣчи своей, и выигралъ дѣло. Вотъ стихъ. Аяксъ же изъ Саламина привелъ дванадесять кораблей; поставилъ же, приведя, гдѣ Аѳинейскія стояли фаланги.

ГЛАВА XII.

О УПОТРЕБЛЕНІИ ДОВОДОВЪ.

Доводъ долженъ быть по большей части достовѣренъ: иногда нужно подтверждать оный; — изъ твердѣйшихъ доводовъ на каждый опираться, а слабѣйшіе собирать вмѣстѣ. — Не довольно того, чтобъ изложить доводъ; надобно подкрѣплять его. — О подтвержденіяхъ, которыя заимствуются отъ страстей. — Гдѣ надлежитъ помѣщать доводы. — Охуждаетъ изнѣженное краснорѣчіе.

Вотъ почти всѣ правила, относящіяся къ доказательствамъ, которыя или изложены моими предшественниками, или нынѣ употребленіемъ утверждены; и я не смѣю увѣрять, что бы иныхъ уже для сего источниковъ не было; напротивъ, совѣтую искать ихъ, и признаюсь, что они могутъ найтися; однакожъ если и найдутся, то съ показанными здѣсь не много раз-

ниться будутъ. Теперь вкратцѣ предложу, какимъ образомъ доводы употреблять должно.

Полагается за правило, чтобы доводъ былъ достовѣренъ. Ибо сомнительнаго доказывать сомнительнымъ не можно. Однако къ подтвержденію дѣла приводимъ иногда причины, которыя сами требуютъ доказательства. Напримѣръ: *Ты убила своего мужа, потому что ты прелюбодѣица.* Здѣсь надобно прежде доказать прелюбодѣйство, дабы чрезъ извѣстное подтвердить неизвѣстное. *Остріе копья твоего найдено въ тѣлѣ убитаго: копье,* скажутъ, *не мое.* Итакъ надлежитъ еще доказать. Здѣсь замѣтить нужно, что изъ всѣхъ доводовъ самые твердые суть тѣ, кои изъ сомнительныхъ дѣлаются послѣ вѣрными. *Ты убилъ человѣка, потому что платье твое было окровавлено.* Если признается, что платье его точно было окровавлено, то признаніе сіе не доставитъ вамъ такого доказательства, какое доставила бы совершенная улика; ибо платье по многимъ случаямъ быть можетъ обагрено кровію. Но если онъ отрицаетъ, то на сіе отрицаніе главнѣйше вооружаться должно: и когда въ этомъ уличенъ будетъ, то и во всемъ прочемъ заперется не можетъ. Поелику можно подумать, что онъ запирается и лжетъ только для того, что признавшись, не надѣется защитить себя.

Доводы сильнѣйшіе можно излагать порознь, а слабѣйшіе совокупно: ибо первые сами по себѣ убѣдительны; ихъ не должно затмѣвать, примѣшивая другія обстоятельства, дабы не отнять у нихъ собственной силы: послѣдніе же требуютъ взаимной подпоры: и чего не могутъ произвести маловажностію, произведутъ то числомъ, будучи направлены къ одной цѣли. Напримѣръ, обвиняя кого либо въ убивствѣ для полученія наслѣдства, можемъ сказать: *Ты надѣялся получить наслѣдство, и наслѣдство большое; ты былъ бѣденъ: тебя крайне безпокоили заимодавцы: ты оскорбилъ завѣщателя, и зналъ, что онъ хотѣлъ перемѣнить свое завѣщаніе.* Сіи доводы, взятые порознь, слабы и слишкомъ обыкновенны: а въ совокупности поражаютъ, правда, не такъ, какъ громомъ, по крайней мѣрѣ, какъ градомъ.

Есть доводы, коихъ одно простое изложеніе бываетъ недостаточно: еще надобно подкрѣплять ихъ: ежели, напримѣръ, побужденіемъ къ злодѣянію было корыстолюбіе, покажемъ, сколь сильно оно и ненасытимо: ежели гнѣвъ, изъяснимъ, сколь необузданна страсть сія въ душахъ человѣческихъ. Такимъ образомъ доводы наши будутъ и тверже и красивѣе; а въ противномъ случаѣ походили бы на голые и тѣла лишенные члены. Много также придаетъ доводу силы,

когда оснуемъ его на изслѣдованіи, не старинная ли, или новая вражда была причиною злодѣйскаго покушенія; не отъ зависти ли, не отъ обиды ли, не отъ честолюбія ли родилась она: противъ низшаго, равнаго, или высшаго, противъ чужаго или родственника. Всѣ сіи обстоятельства различнымъ образомъ излагаются, и должны всегда относиться къ выгодѣ защищаемаго нами дѣла.

Однакожъ не надлежитъ обременять судью всѣми доводами, какіе только придумать можно. Для него было бы сіе утомительно, и на правость нашу навело бы ему подозрѣніе. Ибо онъ заключитъ изъ того, что мы на доказательства свои не слишкомъ полагаемся, когда всѣми силами стараемся умножить число оныхъ. Въ дѣлахъ же ясныхъ распространяться въ доводахъ было бы столь же глупо, какъ зажигать свѣчу при сіяніи солнца.

Нѣкоторые изъ Риторовъ присовокупляютъ къ симъ и доводы, отъ свойствъ душевныхъ заимствуемые. И самое сильнѣйшее, по мнѣнію Аристотеля, убѣжденіе зависитъ отъ извѣстной честности Оратора. Хорошо въ самомъ дѣлѣ быть честнымъ человѣкомъ, и даже казаться таковымъ не безполезно. По сему-то Скавръ, съ благороднымъ на свою невинность надѣяніемъ, обвинителю своему отвѣчалъ: *Квинтъ Варій*

обвиняетъ Эмилія Скавра въ измѣнѣ Римскому народу; Эмилій Скавръ отрицаетъ. Подобно сему, сказываютъ поступилъ Ификратъ, который, когда Аристофонъ взводилъ на него такое же преступленіе, вмѣсто всякаго отвѣта, вопросилъ его: *измѣнилъ ли бы онъ самъ Республикѣ за деньги? Нѣтъ*, отвѣтствовалъ сей: *Такъ почему же я сдѣлалъ*, подхватилъ Ификратъ, *когда ты бы сего не сдѣлалъ?...*

Спрашивается еще, сильнѣйшіе доводы въ началѣ ли полагать надлежитъ, дабы вдругъ предубѣдить умы, или на концѣ, дабы они отъ того были разительнѣе, или выставлять ихъ по примѣру Гомерова Нестора, который предъ сраженіемъ трусливыхъ воиновъ помѣщалъ между храбрѣйшими: или, начавъ слабѣйшими, постепенно простираться къ сильнѣйшимъ? Сіе зависитъ, по мнѣнію моему, отъ свойства и надобности каждаго предмета, лишь только бы рѣчь, въ началѣ сильная, при концѣ не ослабѣвала.

Признаюсь, что показалъ я не всѣ источники доводовъ, по крайней мѣрѣ, нужнѣйшіе; и старался объяснить ихъ тѣмъ съ бо́льшимъ раченіемъ, что декламаціи, которыми мы къ судебному роду рѣчей обыкновенно приготовлялись, нынѣ отъ истиннаго образа витійства въ семъ родѣ совершенно уклонились: въ нихъ ищутъ

понравиться только слушателямъ, а потому онѣ ни силы, ни крѣпости не имѣютъ...

Итакъ пусть восхищаются развращенные слушатели симъ изнѣженнымъ краснорѣчіемъ; я откровенно скажу, что тамъ нѣтъ прямаго краснорѣчія, гдѣ не видно ни малѣйшаго признака, по коему бы можно узнать человѣка мужественнаго и строгаго, не говорю уже, человѣка важнаго и добродѣтельнаго. Знаменитые ваятели и живописцы, желая изобразить прекрасное человѣческое тѣло, никогда въ такое заблужденіе не впадали, чтобъ взять себѣ за образецъ какого нибудь (*) Багоя или Мегабиза; но всегда избирали какого нибесть совершеннаго во всѣхъ частяхъ юношу, способнаго къ войнѣ, или сильнаго Атлета, въ тѣлахъ которыхъ находили они истинныя красоты: такъ я ли, стараясь образовать Оратора, дамъ краснорѣчію вмѣсто оружія, гремушки?

Итакъ юноши, для которыхъ пишу сіи наставленія, да привыкаютъ всѣми силами подражать природѣ и истинѣ; бывъ назначены къ частымъ судебнымъ прѣніямъ, да стремятся и въ училищѣ всегда къ побѣдамъ, и да научаются и наносить и отвращать удары. Особенно требовать сего отъ нихъ должны наставники, и

(*) Обыкновенныя имена Евнуховъ въ Персіи.

успѣхи ихъ подкрѣплять приличнымъ одобреніемъ. Ибо юноши и въ недостаткахъ своихъ ищутъ похвалы, то кольми паче желаютъ оной, когда ее заслужатъ. Нынѣ, по несчастію, все почти нужное преходятъ молчаніемъ, и полезное въ рѣчи не почитается достоинствомъ. О таковомъ злоупотребленіи говорилъ я въ особомъ сочиненіи, и здѣсь часто говорить буду. Но возвратимся къ предположенному порядку.

ГЛАВА XIII.

О ОПРОВЕРЖЕНІИ.

I. Труднѣе защищать, нежели обвинять. II. Возраженія противника или отвергать, или на нихъ отвѣтствовать, или ихъ на него самаго обращать должно. III. Вдругъ ли опровергать многія статьи, или разбирать каждую порознь. IV. Общія мѣста отъ догадки, опредѣленія, качества. V. Когда надобно повторять собственныя слова соперника, и когда выражать ихъ своими. VI. О доводахъ, называемыхъ общими. VII. Когда можно противорѣчія, намъ предложенныя, опровергать, и когда противъ лица самаго защитника говорить. VIII. Въ защищеніи не долженъ Ораторъ быть слишкомъ заботливъ.

Опровержение берется въ двоякомъ смыслѣ. Ибо должность защищающаго вся состоитъ въ опровержении и отвѣтствованіи на возраженія

той и другой стороны; для опроверженія назначается въ судебной рѣчи четвертое мѣсто: оно излагается въ обоихъ случаяхъ одинакимъ образомъ. Изъ тѣхъ же мѣстъ, какъ и въ подтвержденіи, извлекаются доводы: мысли, слогъ, фигуры тѣ же употребляются; разность состоитъ только въ томъ, что здѣсь стараемся съ меньшею силою возбуждать страсти.

I. Однакожъ не безъ причины полагаютъ, что труднѣе защищать, нежели обвинять: въ чемъ и самъ Цицеронъ признается. И дѣйствительно обвиненіе не требуетъ великихъ усилій; ибо излагается одинакимъ образомъ; для обвинителя довольно одной справедливости его предложенія, а защитнику надобно или отрицать дѣйствіе, или подтверждать его законность, прикрывать нѣкоторыя обстоятельства благовидностію, извинять ихъ, уменьшать, смягчать, или грозить сопернику, развлекать его, или дѣлать видъ, что доносъ презираешь, и надъ нимъ насмѣхаешься. По чему рѣчь его, не имѣя извѣстнаго направленія и будучи подвержена разнымъ препинаніямъ, требуетъ тысячи изворотовъ и уловокъ. Обвинитель приходитъ въ судъ, по большей части, съ обдуманнымъ и на досугѣ приготовленнымъ доносомъ; а защитникъ встрѣчаетъ часто непредвидѣнные вопросы. Обвинитель представляетъ свидѣтелей: защитникъ долженъ

тогда же опровергать ихъ, почерпая опровержение изъ существа дѣла. Обвинителю самая гнусность даже ложно взводимаго злодѣянія, каково есть отцеубивство, святотатство, оскорбленіе величества, подаетъ средство распространиться въ своемъ словѣ, на что отвѣчать однимъ отрицаніемъ остается защитнику. Для того-то и посредственныхъ Ораторовъ обвиненія бывали иногда дѣйствительны: но никто не могъ защищать съ успѣхомъ, не бывъ превосходнымъ Витіею. Я въ краткихъ словахъ объясню мое мнѣніе: удобнѣе обвинять, нежели защищать, такъ какъ легче наносить раны, нежели исцѣлять ихъ.

II. Но весьма нужно обращать вниманіе на рѣчи и выраженія соперника. Итакъ прежде всего смотрѣть, существенно ли принадлежитъ къ дѣлу, или не принадлежитъ къ нему то, на что намъ отвѣчать должно; ежели оно существенно связано съ дѣломъ, то надобно или отрицать, или защищать, или доказывать незаконность доноса: кромѣ сихъ трехъ способовъ, иныхъ нѣтъ при тяжебныхъ дѣлахъ. Умоленіе, безъ всякаго вида защищенія, рѣдко можетъ имѣть мѣсто, и развѣ предъ такими только судьями, кои никакимъ извѣстнымъ порядкомъ произносить приговоръ не обязаны. Хотя въ разныхъ тяжбахъ, предъ К. Цезаремъ и Тріумви-

рами разбираемыхъ, просьбы и употребляются, однако не безъ приведенія причинъ въ защиту подсудимаго. Не есть ли защищать сильно, когда Цицеронъ говоритъ за Лигарія: *признаемся, Туберонъ, что иное мы дѣлали, какъ не старались достигнуть возможности дѣлать тоже, что дѣлать Цезарь нынѣ можетъ?* Если случается говорить предъ Государемъ и такимъ судьею, который наказать и помиловать воленъ, то можно сказать, что виновный хотя достоинъ смерти, но заслуживаетъ и милосердіе: тогда мы будемъ дѣло имѣть не съ соперникомъ, а съ судьею; и наша рѣчь приметъ образъ рода совѣщательнаго паче, нежели судебнаго. Ибо тогда будемъ убѣждать, чтобъ онъ искалъ славы быть человѣколюбивымъ, а не строгимъ истязателемъ за преступленіе. Предъ судьями же, обязанными произносить приговоръ по законамъ, какъ защищать признавшагося преступника, было бы смѣшно предписывать правила. Слѣдовательно въ такихъ случаяхъ, когда ни отрицать доноса, ни оспоривать законности его не можно, остается защищать свое дѣло, каково оно есть: или потерять тяжбу.

Мы показали, что отрицать можно двоякимъ образомъ: или вовсе отвергать дѣяніе, или выводить, что оно происходило иначе. Но если ни защитить дѣла, ни оспорить законности

доноса не льзя, то отрицать преступленіе надлежитъ: сего правила держаться надобно не только тогда, когда объясненіе дѣла можетъ представить оное для насъ не столько затруднительнымъ, но и въ такомъ случаѣ, когда намъ, кромѣ положительнаго отрицанія, никакихъ пособій не останется. А ежели представятся свидѣтели? Противъ свидѣтелей найти можно много возраженій. Ежели письменныя доказательства? Сходство почерковъ въ письмѣ послужитъ поводомъ къ различнымъ сужденіямъ. Словомъ, нѣтъ ничего хуже признанія.

Послѣднее прибѣжище въ тяжебномъ дѣлѣ, коего ни отрицать, ни защищать не льзя, есть незаконность доноса....

А ежели противникъ приведетъ какое-либо обстоятельство не прямо изъ дѣла, однакожъ къ нему относящееся, то можно иногда отринуть оное, яко къ настоящему дѣлу непринадлежащее; долго останавливаться на томъ и на всѣ возраженія соперника отвѣтствовать не нужно; ибо такое притворное, какъ бы по слабости памяти, опущеніе простительно; добрый стряпчій не долженъ бояться хулы за подобное нерадѣніе, когда старается о успѣхѣ порученнаго ему дѣла.

III. Также надобно смотрѣть, всѣ ли доводы противной стороны вдругъ опровергать, или

*

раздроблять ихъ одинъ послѣ другаго. На всѣ вдругъ вооружаемся, когда они или такъ слабы, что однимъ усиліемъ опровергнуть ихъ можно, или такъ затруднительны, что на каждый порознь нападать опасно. Ибо тогда нужно напрягать всѣ силы, и, такъ сказать, сражаться грудь съ грудью. А ежели доказательства противной стороны опровергнуть найдемъ затрудненіе, то наши доводы, по крайней мѣрѣ, сравнимъ съ доводами соперника, если только надѣемся изъ сего сравненія извлечь для себя пользу.

Доводы же сильные по одному своему множеству, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ: *Ты назначенъ былъ наслѣдникомъ; ты нуждался въ деньгахъ; тебя крайне безпокоили заимодавцы, ты оскорблялъ старика, и зналъ, что онъ намѣревался перемѣнить свое завѣщаніе.* Все сіе въ совокупности убѣдительно. Раздѣлимъ же это порознь; тогда уже та стремительность и сила, коими все то взаимно поддерживалось, исчезнутъ; такъ какъ большія и глубокія рѣки, коль скоро раздѣлятся на многіе рукава или протоки, дѣлаются мѣлкими и къ переправѣ удобными.

Итакъ смотрѣть надлежитъ, какъ выгоднѣе для насъ располагать рѣчь, т. е. на каждый ли доводъ отвѣтствовать, или всѣ вдругъ отражать удобнѣе. Ибо иногда можно заключить въ одно предложеніе все то, что ни приводитъ

соперникъ въ подробностии. На примѣръ, ежели скажетъ онъ, что подсудимый имѣлъ многія причины отважиться на преступленіе; мы, не разбирая ихъ порознь, скажемъ вообще только, что хотя бы человѣкъ имѣлъ причины покуситься на злодѣяніе, но изъ того не слѣдуетъ, что уже и совершилъ оное. Однако обвинителю легче набирать доказательства, нежели отвѣтчику отражать ихъ по одиначкѣ.

Равно должно знать, какъ лучше опровергать показываемое отъ противника. Ежели доводъ его видимо ложенъ, то довольно одного отрицанія: какъ, на примѣръ, въ рѣчи за Клуенція, обвинитель утверждалъ, что человѣкъ, коль скоро выпилъ ядъ, тотъже часъ и умеръ; Цицеронъ отрицаетъ сіе показаніе, говоря, что онъ въ тотъ день еще живъ былъ. Опровергать же явныя противорѣчія, неумѣстные и нелѣпые приводы, не требуетъ дальняго искусства. По чему не нужны для сего ни правила, ни примѣры. Также доказательства, темными называемыя, т. е. когда дѣйствіе произведено тайно, безъ свидѣтелей, безъ всякаго слѣда признаковъ, сами по себѣ недостаточны. Ибо довольно уже и того, что противникъ подкрѣпить сего ничѣмъ не можетъ. Такого же рода суть всѣ обстоятельства, къ дѣлу непринадлежащія.

Отъ искуства Оратора требуется однакожъ показать въ уликахъ обвинителя что нибудь или противорѣчущее, или къ дѣлу непринадлежащее, или невѣроятное, или излишнее, или нашему намѣренію даже благопріятствующее. Укоряется Оппій, что удерживалъ у воиновъ съѣстные припасы, и обращалъ въ свою пользу; преступленіе ненавистное: но Цицеронъ выводитъ здѣсь явное противорѣчіе, поелику тѣ же самые доносщики обвиняли Оппія, будто бы хотѣлъ подкупитъ войско подарками. Обвинитель Корнелія обѣщаетъ представить свидѣтелей, кои обличатъ его въ доносимомъ дѣлѣ: Цицеронъ (Verr. 59. 65.) дѣлаетъ сіе излишнимъ, говоря, что Корнелій и самъ въ томъ признается. Квинтъ Цецилій требовалъ суда надъ Верресомъ, такъ какъ онъ былъ при немъ Квесторомъ: по сему поводу, того же самаго требовалъ, какъ будто отъ себя, и Цицеронъ.

IV. Прочія возраженія зависятъ отъ общихъ мѣстъ: отъ догадокъ, когда разбираемъ, справедливы ли онѣ; отъ опредѣленія, идутъ ли къ дѣлу; отъ качества, не противъ ли благопристойности, добродушія, кротости, человѣчества и проч.

Отвергаются съ презрѣніемъ иногда показанія, или какъ маловажныя, или какъ къ дѣлу совсѣмъ непринадлежащія. Примѣры сему находимъ на многихъ мѣстахъ у Цицерона. И такое

притворное небреженіе иногда можно простирать и на такіе доводы, коихъ опровергнуть не можемъ.

Но какъ большая часть сихъ доводовъ берется отъ сходныхъ между собою обстоятельствъ, то весьма нужно наблюдать, нѣтъ ли въ нихъ какого нибудь различія; замѣтить это не трудно. Ибо есть законы на всѣ возможные случаи; и тѣмъ удобнѣе и яснѣе можетъ открыться разность въ обстоятельствахъ. Отъ сравненій же, взятыхъ отъ безсловесныхъ животныхъ или вещей неодушевленныхъ, легко увернуться. И на примѣры, противъ насъ приводимые, разнымъ образомъ отвѣчать можно. Ежели они сомнительны по отдаленности времени, назовемъ баснословными; если же неоспоримы, прибѣгнемъ къ несходству; ибо трудно найти два дѣйствія, одно съ другимъ во всемъ схожія. Если бы кто хотѣлъ защищать Назику, который убилъ Гракха, примѣромъ Галы, отъ коего умерщвленъ Мелій; мы тотчасъ скажемъ, что Мелій искалъ верьховной власти, а Гракхъ только издалъ законы, всѣ въ пользу народа клонившіеся: что Гала былъ начальникъ всадниковъ, а Назика человѣкъ частный. Ежели не достанетъ намъ всѣхъ сихъ пособій, то надобно стараться доказать, что приводимое въ примѣръ дѣяніе есть противозаконно. Что здѣсь

сказано о примѣрахъ, тоже должно разумѣть и о подобныхъ дѣлахъ, прежде рѣшенныхъ и въ образецъ поставляемыхъ.

V. Сюда же принадлежитъ и прежнее мое правило, чтобъ слова и выраженія соперника не оставлять безъ вниманія. Если онъ выражается слабо, то повторимъ самыя слова его: когда же изъясняется сильно и убѣдительно, изложимъ то своими словами, сколько можно мягче: какъ дѣлаетъ Цицеронъ, защищая Корнелія. А иногда скажемъ съ нѣкоторымъ извиненіемъ: говоря, напримѣръ, за распутнаго, порицаютъ его за то, что онъ любитъ повеселиться. Такимъ образомъ и скупаго бережливымъ, и злоязычнаго откровеннымъ назвать дозволяется. Но всего больше остерегаться должно, чтобъ не приводить мнѣній своего соперника вмѣстѣ съ его доказательствами, или не опираться на какое нибудь его выраженіе, развѣ уже нелѣпость приводимаго обнаружить надобно. Ты, говоритъ (Pro Mur. 23.) соперникъ твой, былъ столько лѣтъ при войскѣ, въ Римъ не являлся, и по долговременномъ отсутствіи, пришелъ состязаться о достоинствѣ и почестяхъ съ тѣми, кои безотлучно занимались въ городѣ дѣлами.

Когда же преступленіе излагается съ нѣкоторыми противорѣчіями, тогда смѣло можно повторять слова противника безъ всякой пере-

мѣны; как дѣлаетъ Цицеронъ, защищая Скавра; онъ рѣчь свою какъ будто соображаетъ съ намѣреніемъ доносителя. Иногда прибавляются къ противорѣчіямъ и многія другія предложенія донощика, какъ въ рѣчи за Варена: *Сказали, что онъ, идучи чрезъ поля и пустыя мѣста съ Популеномъ, взятъ служителями Анхарія: потомъ, что Популенъ убитъ: послѣ, что Варена связаннаго держали, когда сей могъ бы показать, куда дѣвался Популенъ.*

Къ сему способу особенно надлежитъ прибѣгать, когда порядокъ произшествія будетъ невѣроятенъ, и самымъ изложеніемъ отнимется правдоподобіе: или каждую часть показаній опровергаемъ, ежели одна другую подкрѣпляетъ: и это почти всегда надежнѣе и вѣрнѣе. Бываетъ, что и одно предложеніе заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Къ сему примѣры не нужны.

VI. Общихъ доводовъ рачительно избѣгать должно не только по тому, что обѣ стороны употребить ихъ могутъ, но что они гораздо полезнѣе нашему противнику. Я говорилъ и буду часто повторять, что кто первый прибѣгъ къ общему доводу, тотъ дѣлаетъ его себѣ противнымъ. Ибо противный доводъ есть тотъ, который можетъ съ выгодою быть обращенъ противъ насъ нашимъ соперникомъ (Pro Oppio). *Нѣтъ, невѣроятно, чтобъ Маркъ Котта предпри-*

нялъ толь ужасное злодѣяніе. Какъ? судіи, не уже ли вѣроятнѣе то, что Оппій замышлялъ толь ужасное злодѣяніе?

Находить же, какъ существенныя, такъ и кажущіяся таковыми, противорѣчія въ противникѣ, зависитъ отъ искуства Оратора. Иногда обнаруживаются онѣ самыми дѣяніями, какъ на примѣръ, въ поступкѣ Клодіи (Pro Coel. 31): она говоритъ, что Целія ссужала деньгами; сіе есть знакъ тѣсной дружбы между ими: и вмѣстѣ взводитъ на него, будто хотѣлъ онъ отравить ее; а сіе доказываетъ величайшую вражду. Туберонъ (Pro Lig. n. 9.) обвиняетъ Лигарія въ томъ, что онъ былъ въ Африкѣ: и жалуется, что Лигарій самаго его не допустилъ въ Африку.

А иногда открываются противорѣчія по неосмотрительности защитника противной стороны: сіе случается особенно съ Ораторами, гоняющимися за острыми и замысловатыми изрѣченіями: они увлекаются желаніемъ показать разумъ свой, и занимаются только тѣмъ мѣстомъ въ рѣчи, гдѣ блеснуть хотятъ, а цѣль всего дѣла изъ виду опускаютъ. Что могло быть, кажется, убѣдительнѣе противъ Клуенція, какъ пятно безславія, наложенное Цензорами? Что болѣе обвиняло также Клуенція, какъ не то, что отецъ сына своего лишилъ наслѣдства, поелику сей, сговорившись съ Клуенціемъ, подку-

нилъ судей, дабы обвинить Оппіаника? Но Цицеронъ показалъ, что здѣсь одно другому противорѣчитъ. Ты, Акцій, думаю, прилѣжно разсмотришь, Цензорскій ли судъ важнѣе, или судъ Егнація; если судъ Егнація, то недѣйствительно опредѣленіе Цензоровъ. Ибо самаго Егнація, котораго ты за человѣка достойнаго почитаешь, изъ числа Сенаторовъ изключили. Если же Цензорскій судъ важнѣе; то сего самаго Егнація, коего по Цензорскому одобренію лишилъ отецъ наслѣдства, Цензоры удержали въ Сенатѣ, а отца изключили изъ онаго.

Слѣдующіе доводы, по причинѣ видимыхъ недостатковъ, не требуютъ дальней остроты къ своему опроверженію: приводить сомнительное вмѣсто извѣстнаго; подлежащее разсмотрѣнію вмѣсто дознаннаго; общее вмѣсто собственнаго или частнаго; слишкомъ обыкновенное, пустое, подозрительное вмѣсто вѣроятнаго или всѣми принятаго. Ибо случается и то съ неосторожными Ораторами, что только увеличиваютъ преступленіе, когда нужно доказать его: спорятъ о дѣйствіи, когда рѣчь идетъ о его виновникѣ: берутся утверждать невозможное: думаютъ, что уже достигли своей цѣли, когда едва ее усмотрѣли: распространяются въ рѣчи болѣе о лицѣ, нежели о предлежащемъ дѣлѣ: вмѣняютъ вещамъ личные людскіе недостатки.

шакъ какъ бы кто порицалъ сословіе Децемвировъ за то, что Аппій употребилъ во зло власть свою: отвергаютъ очевидныя доказательства: изъясняются обоюдными выраженіями: теряютъ изъ виду главное содержаніе въ дѣлѣ: дѣлаютъ отвѣты, съ вопросами несообразные. Сіе послѣднее можетъ быть извинительно только тогда, когда неправое дѣло требуетъ и посторонней подпоры. Напримѣръ, говорится о Верресѣ (7. Verr. 1. 4.), обличенномъ во взяткахъ и хищеніи, что онъ мужественно и неусыпно защищалъ Сицилію отъ морскихъ разбойниковъ.

VII. Тоже самое наблюдать должно и при возраженіяхъ, какія намъ противополагаются. Я постараюсь предложить о семъ нѣсколько пространнѣе, по тому что многіе впадаютъ здѣсь въ двѣ непростительныя и между собою противныя погрѣшности. Одни, даже въ судѣ, почитая такія возраженія непріятными и скучными, преходятъ ихъ молчаніемъ, и довольствуясь приготовленною дома рѣчью, говорятъ такъ, какъ бы не имѣли предъ собою соперника...

Другіе, прилѣпясь къ излишней точности, почитаютъ за нужное, на всякую мысль, на всякое даже слово отвѣтствовать; это есть дѣло безконечное и напрасное. Сіе значитъ вооружаться противъ предлагаемаго дѣла, а не противъ Оратора: я желалъ бы, чтобъ онъ былъ столько

краснорѣчивъ, чтобы все сказанное въ пользу обвиняемаго относилось къ его искуству, а не къ содержанію сущности дѣла: все же сказанное во вредъ обвинителя падало бы на самое дѣло, а не на умъ Оратора. Итакъ, когда Цицеронъ (2. Agr. 13.) укорялъ Рулла темнотою въ выраженіяхъ, Пизона неискуствомъ въ словѣ, Антонія (3. Philip. 22.) грубостію въ поступкахъ, принаровлялся къ справедливому своему негодованію; и таковыя укоризны могутъ навлечь ненависть на тѣхъ, кого ненавистнымъ сдѣлать хочешь.

Но Ораторъ, защищающій какое нибудь дѣло, долженъ отвѣчать инакимъ образомъ: иногда можетъ охуждать не только рѣчь своего соперника, но даже нравы, взглядъ, походку, образъ одежды: какъ, на примѣръ Цицеронъ, говоря противъ Квинтія (Pro Cluent. 11.), охуждаетъ еще и одежду его, до пятъ спущенную. Цицеронъ былъ крайне раздраженъ Квинтіемъ, который возмутилъ народъ противъ Клуенція. Бываютъ случаи, что грубыя слова противника опровергаются насмѣшкою: Тріарій порицалъ Скавра за то, что онъ, съ великими издержками доставъ мраморные столпы, велѣлъ везти, какъ бы на показъ, чрезъ весь городъ на колѣсницахъ. *Ты справедливо порицаешъ его,* отвѣчалъ Цицеронъ; *ибо я свои столпы съ Албанской горы велѣлъ перетащить на каткахъ волокомъ.* Упо-

треблять такія насмѣшки противъ обвинителей тѣмъ простительнѣе, что того польза защищаемаго лица необходимо требуетъ. Но почитается справедливою и основательною укоризною то, если который нибудь изъ состязующихся Ораторовъ съ худымъ намѣреніемъ что-либо утаитъ, сократитъ, затмитъ, или скажетъ позже, нежели должно...

Декламаторамъ же совѣтовалъ бы я во первыхъ не задавать себѣ такихъ предложеній или вопросовъ, на которые отвѣчать нѣтъ ни малѣйшей трудности, и не воображать, что предъ настоящимъ судомъ можно найти глупаго сопротивника. Сія погрѣшность происходитъ отъ того, что обольстясь обиліемъ источниковъ, изъ коихъ можно почерпать всякую всячину, располагаютъ они рѣчь свою по произволу, и тѣмъ оправдываютъ пословицу: *Каковъ вопросъ, таковъ и отвѣтъ.* Если чрезъ такія упражненія укоренится въ насъ привычка, то весьма много ошибаться будемъ предъ судомъ, гдѣ сопернику, а не себѣ самимъ отвѣчать должно. Сказываютъ, что Стихотворецъ Акцій, на вопросъ, для чего онъ не говоритъ защитительныхъ рѣчей въ судахъ, будучи силенъ и краснорѣчивъ въ трагедіяхъ, отвѣчалъ: для того, что въ трагедіи заставляю говорить лица то, что̀ мнѣ угодно, а въ судѣ говорятъ

противники, что̀ имъ, а не мнѣ угодно. Итакъ достойно посмѣянія, что въ упражненіяхъ, коими пріуготовляемся къ рѣчамъ судебнымъ, выдумываются отвѣты прежде, нежели знаемъ, что̀ можетъ сказать соперникъ. И добрый наставникъ долженъ хвалить ученика за остроумные доводы, какъ въ пользу противной, такъ и въ пользу своей стороны сдѣланные...

VIII. При опроверженіи почитается за порокъ равно и то, если на каждомъ шагу будемъ останавливаться и показывать недоумѣніе. Ибо сіе правость нашу дѣлаетъ судьѣ подозрительною; и часто причины, смѣло, безъ запинанія изложенныя, отнимаютъ всякое сомнѣніе, а произносимыя съ приготовленіемъ, осторожностію, теряютъ довѣріе: ибо можетъ все сіе принято быть за знакъ признаваемой нами самими слабости нашихъ доводовъ. Итакъ Ораторъ долженъ оказывать съ своей стороны всякую благонадежность и говорить съ чувствованіемъ справедливости своего дѣла. Никто въ этомъ (какъ и во всемъ прочемъ) не представляетъ такого искуства, какъ Цицеронъ. У него такое самонадѣяніе и такая поразительная смѣлость, что можно ихъ принять за несомнѣнныя доказательства.

Впрочемъ, кто вникнетъ въ обстоятельства дѣла, и узнаетъ, въ чемъ состоитъ наибольшая важность и сила, тотъ удобно разсу-

дитъ, на какія мѣста опираться, и какія оспоривать должно. Здѣсь соблюсти порядокъ не трудно. Ибо когда мы бываемъ истцами, то прежде излагаемъ свои доказательства: потомъ опровергаемъ возраженія, противъ насъ сдѣланныя. Если же мы отвѣтчики, то начинаемъ съ опроверженія... Но обѣимъ сторонамъ надлежитъ вникать, въ чемъ состоитъ существенная цѣль тяжбы. Ибо часто вводятся въ нее многія обстоятельства; приговоръ же дѣлается по немногимъ.

Вотъ способъ доказывать и опровергать: но Ораторъ долженъ его подкрѣплять и украшать. Сколько бы ни хороши были наши доводы, однако будутъ еще слабы, когда не подкрѣпятся искуствомъ Оратора...

ГЛАВА XIV.

I. Что есть Эпихирема: что Энтимема. II. Ораторъ не должень употреблять ихъ часто. III. Какое украшеніе прилично доказательствамъ.

I. Эпихирема имѣетъ три части: первую посылку, вторую посылку и заключеніе. Возмемъ примѣръ изъ Цицерона: *Дѣла, управляемыя съ мудростію, лучше производятся, нежели тѣ, въ которыхъ мудрость не участвуетъ. А какъ міръ наилучшимъ образомъ управляется: слѣдовательно міръ управляется мудростію.* Но сіи три части не всегда имѣютъ одинаковый видъ. Впрочемъ Эпихирема разнится отъ Силлогизмовъ только тѣмъ, что Силлогизмы раздѣляются на многіе виды, и заключаютъ въ себѣ всегда истину: а Эпихирема имѣетъ предметомъ, по большей части, вѣроятное.

Энтимему иные называютъ Риторическимъ Силлогизмомъ, а другіе частію Силлогизма, по тому, что Силлогизмъ имѣетъ всѣ части, служащія къ доказательству предложенія: въ Энтимемѣ же первая посылка только подразумѣвается.

Вотъ примѣръ Силлогизма: Добродѣтель одна есть истинное добро: ибо одно то есть истинное добро, коего никто во зло употребить не можетъ: а добродѣтели употребить во зло никто не можетъ: слѣдовательно добродѣтель есть истинное добро. Вотъ Энтимема, выведенная изъ послѣдствій: Одно истинное добро есть добродѣтель, которой употребить во зло никто не можетъ. Силлогизмъ отъ противнаго: Деньги не есть добро: ибо то не есть добро, что всякъ можетъ употребить во зло: деньги же употребить во зло всякъ можетъ: слѣдовательно деньги не суть добро. И чрезъ Энтимему отъ противнаго можно сказать: Должно ли за добро почитать деньги, которыя употребить во зло всякой можетъ?

II. Мнѣ кажется, я открылъ уже всѣ тайности Риторовъ: остается только дѣлать изъ того благоразумное употребленіе. Ибо какъ не думаю, чтобы употреблять въ рѣчи Силлогизмы было неприлично, такъ не хочу и того, чтобы вся рѣчь наполнена была Эпихиремами и Энтимемами. Ибо тогда будетъ походить на разговоръ и состязаніе Діалектиковъ болѣе, нежели на рѣчь Оратора: въ этомъ есть великая разность. Въ разговорахъ и состязаніяхъ сіи ученые, въ кругу ученыхъ же, ища истину, все разбираютъ съ бо́льшею и строжайшею точностію,

и такимъ образомъ до очевидной ясности доводятъ. По сему и присвояютъ себѣ искуство или науку находить и разсматривать истину. Науку сію раздѣляютъ на двѣ части, изъ которыхъ одну называютъ Топикою, а другую Критикою. Но Ораторъ долженъ въ рѣчи своей сообразоваться съ понятіями и вкусомъ слушателей инаго рода; часто надлежитъ ему говорить предъ людьми самыми простыми, малосмысленными, или по крайней мѣрѣ, неучеными, коихъ увѣрить даже въ самой истинѣ и справедливости иначе не можно, какъ доставляя имъ удовольствіе, увлекая ихъ силою, а иногда возбуждая въ нихъ различныя страсти.

Краснорѣчіе требуетъ богатства и пышности. Но оно не будетъ ни пышно, ни богато, ежели заключимъ его только въ точныхъ, частыхъ и почти единообразныхъ выводахъ: оно простотою своею привлечетъ на себя презрѣніе, принужденностію неудовольствіе, избыткомъ отвращеніе, распространеніемъ скуку. Итакъ да шествуетъ оно не какъ по узкимъ тропинкамъ, но какъ по полямъ пространнымъ: да не будетъ оно ограничено, наподобіе малыхъ источниковъ, въ одинъ тѣсный протокъ собираемыхъ; но да проливается, какъ обширная рѣка, по всѣмъ открытымъ долинамъ, и да пролагаетъ себѣ путь чрезъ всѣ встрѣчающіяся препоны.

*

Ибо нѣтъ ничего жалчѣе, смотрѣть на тѣхъ, кои рабски прилѣпляются къ правиламъ, наподобіе дѣтей, не смѣющихъ перемѣнить ни одной черты изъ прописи, данной отъ учителя, и, какъ Греки говорятъ, свято берегутъ первонадѣтую отъ матери одежду. Предложеніе и заключеніе, изъ послѣдствій и противорѣчій извлеченныя, развѣ не могутъ оживляться, распространяться, украшаться разными оборотами и фигурами, такъ чтобъ онѣ раждались сами собою, казались естественными и свободными, а не на образецъ, отъ учителей данный, составленными въ возможной точности?

Какой Ораторъ когда либо такъ говаривалъ? Если находимъ примѣры сему и въ самомъ Демосѳенѣ, то по крайней мѣрѣ, весьма рѣдко. Нынѣ, и особливо Греческіе Ораторы (ибо въ семъ только случаѣ они поступаютъ хуже, нежели мы), связываютъ рѣчь свою на подобіе цѣпи и неизъяснимымъ порядкомъ соединяютъ между собою; набираютъ вещи несомнительныя, доказываютъ извѣстныя, и говорятъ, что они подражаютъ въ томъ Древнимъ. Но ежели спросить у нихъ, кому именно подражаютъ, показать они не въ состояніи. Но о фигурахъ я буду говорить на другомъ мѣстѣ.

III. Здѣсь прибавлю только, что я несогласенъ даже съ мнѣніемъ и тѣхъ, кои полагаютъ,

что доводы надлежитъ всегда излагать въ выраженіяхъ чистыхъ, ясныхъ и опредѣлительныхъ, но въ краткихъ и невитіеватыхъ. Я и самъ нахожу, что въ нихъ нужна ясность и опредѣлительность: и что въ предметахъ малыхъ слогъ и рѣченія должно употреблять самыя приличныя и наиболѣе обыкновенныя. Но когда говоримъ о предметахъ важныхъ, тогда не почитаю излишнимъ и украшеніе, лишь только бы не вредило оно ясности... Чѣмъ меньше пріятности имѣютъ какія либо въ рѣчи мѣста сами по себѣ, тѣмъ больше украшать ихъ стараться надлежитъ, и, чтобъ доводы наши не казались подозрительными, надобно прибѣгать къ искуству: судья, слушающій насъ съ удовольствіемъ, почти уже намъ вѣритъ. Цицеронъ (Pro Mil. 10.) между своими доводами не неприлично сказалъ: Законы молчатъ при звукѣ оружія, а нѣже законы влагаютъ мечь намъ въ руки Однако употреблять такія фигуры надлежитъ съ благоразуміемъ, дабы онѣ рѣчь украшали, ея не затмѣвая.

ПОПРАВКИ ВЪ I-й ЧАСТИ.

Стран.	строк.	Напечатано:	Должно читать:
III.	18.	Если и	Если
VII.	11.	поведеніемъ,	поведеніемъ
11.	2.	затмеваетъ	затмѣваетъ
—	27.	пржде	прежде
—	28.	еписать	писать
21.	26.	надмѣвается	надмевается
34.	10.	retiquit	reliquit
58.	19.	жено подобнаго	женоподобнаго
74.	5.	Лашинскаго	Латинскаго
95.	19.	ошвращеніе	отвращеніе
130.	7.	лоскутковъ,	лоскутковъ
178.	10.	поправился	прославился
179.	15.	και Ισοκράτην ἐὰν	Ἰσοκράτην δ' ἐᾶν
201.	3.	и еще	еще
211.	9.	(ὕμερον)	(ἥμερον)
227.	6.	племяников	племянниковъ
234.	1.	Примѣръ Азиніа	Какъ напримѣръ Азиній
241.	26.	Оппіанина	Оппіаника
248.	7.	обвѣтшалости	обветшалости
259.	18.	Avitus	habitus
286.	12.	Стакена	Спалена
295.	27.	разсказами	расказами
296.	21.	сстествснной	естественной
306.	1.	говорипъ	говоритъ
—	3.	Оппіанина	Оппіаника
—	5.	Оппіанинъ	Оппіаникъ
316.	13.	Оппіанина	Оппіаника
393.	3.	преступленіе	преступленіе

Стран.	строк.		
398.	12.	Тубе	Тубе-
401.	25.	колѣсницахъ	колесницахъ
430.	7.	(Pro Mar.)	(Pro Mur.)
456.	26.	вскяая	всякая
457.	6.	приправа	приправа
469.	7.	Сешпу	Секшу
472.	14.	въ ошвѣшахъ	въ ошвѣшахъ
473.	8.	надмѣнное	надменное
476.	3.	иной	оной
482.	28.	полѣзнѣе	полезнѣе